

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 17 / 2016

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Договоры и доказывание в исторической ретроспективе: формы, виды, типы

Исаев И.А. Общественный договор и закон3

Ефимова В.В. О специфике заключения договоров найма на Крайнем Севере в XIX в. (или как долго использовали при оформлении таких договоров «доски?»).....10

Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе — от «Русской Правды» до Устава уголовного судопроизводства.....14

Гуляков А.А. Американская модель федерализма: становление и основные этапы развития20

Салтыков К.Г. Традиционные религиозные предпосылки интерпретационного подхода к юридической терминологии в России.....25

Полиция, управление, право

Петров Ю.И. Реформы центральных и местных финансово-податных органов в правление Петра I.....30

Степанов М.М. Деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)36

Маремкулов А.Н. Преамбула актов органов самодержавной власти как источник изучения реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.41

Уголовное право и судебное право:

историческая ретроспектива

Гуриц С.Д. Военнопленные и заключенные в годы Великой Отечественной войны на территории Вятского исправительно-трудового лагеря44

Познахирев В.В. Положение о военнопленных от 2 июля 1877 г. как этап эволюции правового регулирования отечественной системы военного плена49

Марков С.М. Некняжее судебное право Великого Новгорода XI–XIII вв. (альтернативный взгляд): историография и методология53

Мальков С.М. Становление и развитие уголовной ответственности за дезертирство в России.....58

Рецензия

Феклистов А.Г. Рецензия на статью С.В. Шпаковской и С.А. Тимошиной «США в кривом зеркале советской газетной печати 30–50-х гг. XX века» (История государства и права. 2014. № 16).....63

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 21.06.2016

Номер вышел в свет 25.08.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Роспечать — 47643;

Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 17 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay

for publication of their articles.

Contracts and Proving in Historical Retrospective: Forms, Kinds, Types

Isayev I.A. Public Contract and Law 3

Efimova V.V. On Specific Nature of Conclusion
of Employment Contracts in the Extreme North
in XIX Century (Or How Long were "Boards" Used
upon Execution of Such Contracts?) 10

Vinogradov V.A. Distribution of the Burden of Proving
in the Domestic Criminal Proceedings —
from "Russkaia Pravda" ("Russian Truth") to the Charter
of Criminal Judicial Procedure 14

Gulyakov A.D. American Model of Federalism:
Establishment and Main Development Stages 20

Saltykov K.G. Traditional Religious Prerequisites
of Interpretation Approach to Legal Terminology in Russia 25

Police, Management, Law

Petrov Yu.I. Reforms of Central and Local Financial
Tax Authorities under the Ruling of Peter I 30

Stepanov M.M. Public Order Safety Activity of the Russian
Militia in the Civil War Years (1918–1920) 36

Maremkulov A.N. Autocratic Power Authorities
Acts Preamble as a Source of Study of Russian Policy
in the North Caucasus of XVIII–XIX Centuries 41

Criminal Law and Judicial Law:

Historical Retrospective

Gurits S.D. War Prisoners and Prison Community
in the Years of the Great Patriotic War in the Territory
of the Vyatka Correctional Labor Camp 44

Poznakhirev V.V. "Provision on War Prisoners" dated
July 2, 1877 as an Evolution Stage for the War Prison
Domestic System Legal Regulation 49

Markov S.M. Non-Princely Judicial Law of Novgorod
the Great of XI–XIII Centuries (Alternative Viewpoint):
Historiography and Methodology 53

Malkov S.M. Establishment and Development
of Criminal Responsibility for Desertion in Russia 58

Review

Feklistov A.G. Review of the Article by S.V. Shpakovskaya
and S.A. Timoshina "USA (United States of America)
in the False Mirror of the Soviet Newspaper Press
of 30–50s of XX Century" (History of State and Law.
2014. No. 16) 63

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 21.06.2016
Issue was published 25.08.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospachat — 47643;
Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Общественный договор и закон

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
kafedra-igr@yandex.ru*

В статье исследуется проблема соотношения институтов «естественного права» и основополагающего «отечественного договора», ставшего правовой «конституцией» революционных движений в Европе и мире. Консервативное по сути «естественное» право было интерпретировано отечественным движением как база «прав человека» (в противоположность гоббсовской трактовке этого института). Приоритетным стал волевой импульс, или политическая воля, ставшая движением для социальных и политических преобразований. Идеи Руссо в политической теории были одинаково эффективно использованы в будущем как революционными, так и консервативными общественными силами.

Ключевые слова: договор, естественное право, норма, легитимность, солидарность, права человека, правовой субъект, правовая реальность, революция, консерватизм.

Public Contract and Law

*Isayev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article researches the problem of correlation of the institutes of “natural law” and fundamental “domestic contract” that has become a legal “constitution” of revolutionary movements in Europe and the world. Essentially conservative “natural” law was interpreted by the domestic movement as a base of “human rights” (as opposed to Hobbes’s rendering of this institute). The priority became the will impulse or political will turned to a movement for social and political transformations. Rousseau’s ideas in the political theory were equally efficiently used in future by both revolutionary and conservative social forces.

Key words: contract, natural law, regulation, legitimacy, solidarity, human rights, legal subject, legal reality, revolution, conservatism.

Идея «естественного права» была недоступна сознанию, пока ему была неизвестна идея природы. Возникнув, эта идея легко присоединяется к вере в существование явленного закона: первые кодексы и божественные сведения о «началах» доводились до человека посредством сверхчеловеческих сообщений. С началом Нового времени философия, искоренив трансцендентный авторитет, признала саму природу высшим стандартом права, в связи с чем справедливое и несправедливое приобрело характер конвенциональности, потеряв прежнюю сверхчеловеческую поддержку.

Зато «открытие природы» привело к неизбежному дуализму природного и условного, — при этом естественное стало представляться первичным по отношению к условному. Позднее основополагающее раз-

личие между природой и договором проявилось в различии «естественного» и позитивного права. Природа была открыта и понята прежде всего в своем отличии от закона или договора. Мнение, условность или закон, содержащие определенную истину, непривольны или естественны; человеческий же закон указывает на божественный или «естественный» закон как на свое начало, но лишь справедливость сама по себе, «идея» или «форма» (в платоновском смысле) справедливости безоговорочно верна¹.

Но природа без искусства, без свободной воли и договора не может стать «царством права», не создаст правового состояния, а это значит, что «естественное»

¹ Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 201–202.

(природное) право в принципе невозможно (Фихте). Нет «естественного права» и «естественного состояния», как особой сферы действительности, но может быть только идея права, идея справедливости, раскрывающая смысл правовой действительности. («Идея и только идея может быть для традиционалистов истинным отечеством. Они же должны хранить идеи и принципы, а не институты. Безмолвная революция, достигающая глубин, так что внутри отдельного человека возникают предпосылки того порядка, который затем обретет господство вовне, в подходящий момент молниеносно, сметая все формы и силы исторического мира руин». Ю. Эвола)

«Гражданское общество» по своему типу открытое общество (Фихте позже подробно разовьет эту идею), у него есть свой собственный характер и образ мышления, отличный от всех других обществ и народов. Здоровое общество должно вдохновляться патриотизмом, воспитывать военные добродетели и дух. Все его члены должны быть преданы общему благу и придерживаться общих верований («святых догм, санкционированных законом»). Конструктивным элементом общества является вера или мнение, а скептицизм космополитической науки опасен для него: но «гражданское общество» преобразовало «естественного» человека в гражданина, и естественное неравенство было заменено конвенциональным равенством². Но, для того чтобы упрочить «естественное право», необходимо было вернуться и к «естественному состоянию», душевные основы которого были заложены не в разуме, а в страстях. Поэтому естественная свобода остается для сторонников этого типа мышления образцом гражданского равенства; поскольку только «естественное состояние» как будто и свободно от противоречий, там разум был бы радикально независим, тогда как в цивилизованном обществе он радикально зависим.

Классическая доктрина «естественного права» в своей первоначальной форме была почти идентична новременной трактовке доктрины о «лучшем режиме», образец которого представило уже «Государство» Платона. Но под влиянием идеи древнего эгалитарного «естественного права» вопрос

о лучшем режиме потерял свое значение и перестал быть актуальным и соотносимым с проблемой совершенного нравственного порядка. Идея Бога, выступающего в качестве законодателя, в христианстве приобрела точность и определенность, каких еще не имела классическая философия: в силу этого «естественный закон» становится независимым от прагматических целей «наилучшего режима» и занимает высокое положение в сравнении с ним в иерархии политических ценностей.

У Гоббса существо суверенности состояло не в том, что полнота власти передавалась его правящему авторитету, а в том, что эта власть принадлежала ему по праву и на основании «естественного закона». (Сама же доктрина суверенитета формулировала «естественный общественный закон», основанный на фикции, предполагающей, что желание правителя есть желание всех и каждого.) Этот всеобщий или природный закон вместе с государственным интересом имели общий источник — заботу о таком «правильном» устройстве общества, актуализация которого не зависела бы от случая: «школа государственного интереса в этой связи заменила “наилучший режим” понятием “эффективного государства”; а школа “естественного общественного закона” заменила “наилучший режим” легитимным государством»³.

Вместе с понятием «государственный интерес» в политическую философию и новорожденную политическую экономию XIX века проникала живая история, которую еще Макиавелли считал лучшим советчиком политики. Уже в XVII–XVIII вв. между «естественным правом» и макиавеллизмом устанавливается родственная связь: «естественное право» позволяло определять, каких моральных и политических правил следует придерживаться, учитывая специфическую природу государства, нации и институций: не свободный выбор, но фактическая необходимость всегда управляла развитием государства и права, а философия «государственного интереса» оправдывала целесообразное нарушение договоров и конвенций». Для исторического мышления сама история стала не только сценой, как в эпоху барокко, но и текстом пьесы, на протяжении которой политикам приходилось

² Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 241–248.

³ Там же. С. 247–248.

демонстрировать свои таланты⁴. В этой замене акцентов гибкость классической политической философии уступила место неожиданно фанатичной жестокости: этос же становится «здравым смыслом», уже не имеющим власти над внешними обстоятельствами и событиями и не связанным с обязывающей государственной этикой. Историческое мышление XIX века попыталось тем самым вернуться к нововременному искусству государственного управления, но его реалистические склонности только привели к дальнейшему разрушению «естественного общественного закона», а заодно и всех нравственных принципов политики.

С точки зрения «естественного общественного закона» для создания правильного общественного строя требовалось не столько формирование нравов, сколько разработка необходимых устойчивых институтов: в центр политической доктрины ставилась тема власти в смысле возможности, права и обладания. Но «естественное право» все больше пропитывалось политической экзистенцией со свойственным той предпочтением факта и умения вечным и неизменным нормам. Политическое искусство и «государственный интерес» стали представляться теперь более актуальными, а следовательно — действительными и справедливыми.

Фихте утверждал, что не существует никакого «естественного права» в смысле «правоотношения между лицами вне государства и без позитивного закона». Само государство уже есть настоящее «естественное состояние» человека, и его право есть «реализация естественного права»: Правовая действительность есть особая область феноменов, в основе которых лежит «трансцендентальное основание — закон права, закон разума», особое априорное понятие. Это — нечто должное, это — идея справедливости, выступающая как бесконечная задача. Она живет во всяком положительном праве, даже если таковое является несправедливым: всякое право и всякое государство есть попытка осуществления идеи справедливости⁵. Доктрина «естественного

права» предполагала, что основа справедливости, как некая важнейшая истина, вполне доступна для познания человека; историзм же утверждал, что прозрение истины есть не результат познания, а неподвижный дар необъяснимой судьбы. Зависимость от судьбы обуславливает исторический характер всякой идеи, ее фактическую реальность. Внесенные же Гегелем в историю некий абсолютный момент и абсолютная закономерность придали историзму скрытый метафизический характер: по мнению Л. Штрауса, как раз историзм и стал исходом кризиса «естественного права» и всей политической философии⁶.

Уже Фома Аквинский не очень верил тому, что закон зависит только от воли правителя. Для того чтобы такая воля сделалась настоящим законом, необходимо было, чтобы сама она управлялась разумом, поскольку закон вводится для общего «блага и создать его может только разум большинства, который представлен правителем». И Марсилиус Падуанский говорил о том, что законы создаются неким «общим разумом», которому и должно принадлежать верховенство. Но уже Ж. Боден определял такое верховенство как нечто, присущее самой законодательной власти, не вдаваясь при этом в подробное рассмотрение того, где находится центр и источник этой власти. Повлиявшие на Руссо теории Гоббса и Локка связали довольно странную идею «народного абсолютизма» с институтом «общественного договора»: у Гоббса Руссо воспринимает четкое понятие верховенства и суверенитета, у Локка — представление о первоисточнике и первообразе власти.

И если Монтескье все еще определял законы как «необходимые отношения, протекающие из природы вещей», тем самым смешивая природные и государственные законы, то Руссо уже проводил между ними четкую границу. Однако он тут же допускал другое неожиданное смешение, не очень понимая разницу между приказом и договором, и при этом исходя из своего основного предположения, что именно договор является основой для общественного союза. Его знаменитая формулировка гласит: «Каждый ставит сообща с другими свою личность и всю свою силу под верховное руководство

⁴ См.: Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с. (Политическая теория).

⁵ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. С. 412-413.

⁶ Штраус Л. Естественное право и история. С. 35-38.

общей воли, а затем... принимает каждого члена как нераздельную часть целого». Разумеется, что такой акт объединения создает некое нравственное и коллективное «тело» — общественную личность, но та же человеческая воля может в любой момент изменить или уничтожить это достигнутое соглашение. И это довольно скоро становится источником «пагубной и опасной гипотезы о диктатуре или о ниспосланном свыше законодателе», который по собственному своему вкусу способен формировать отношения, komponуя их из внешних обстоятельств и человеческой натуры⁷.

И.Г. Дройзен полагал, что общие разговоры о «вечном» или «естественном праве» есть полная бессмыслица, ибо в действительности само право находится в непрерывном изменении: события, переживаемые народом и эпохой, создают из того, что есть, право, общее убеждение или мнение, а из совокупности нравственных образований складывается норма, указание на то, какие границы и какой порядок должны иметь место; «но сущность правовой жизни и правопорядка, как и материальной жизни, выражается не через государство, а благодаря истории».

Само историческое суждение или рассмотрение уже по своей сути нормативно, и у Монтескье оно выполняло самостоятельную роль «наставницы, которую необходимо учиться слушать и понимать». Объектами исторического исследования становятся правовые формы и условия, которые непрерывно изменяются. Дройзен упрекал «историческую школу», которой он симпатизировал, как раз за то, что та отвергла существование какого-либо сложившегося права, кроме римского, и отказывала в собственном законотворчестве своему времени⁸.

Один из основателей «исторической школы права» и романтик по духу Савиньи также отказывал своей эпохе в способности создать какое-либо цельное и адекватное времени и историческому развитию новое законодательство (заодно подвергая критике и Кодекс Наполеона, и прусское законодательство, поскольку усматривал в них нечто совершенно искусственное и произвольное). И Адам Мюллер проти-

вопоставлял «химере естественного права» органическое «живое право», которое не нуждается в апелляции к какой бы то ни было внешней и не связанной с ним силе, а также и в насилии, от которого оно само могло бы попасть в зависимость: такое право самодостаточно и тождественно государству и нации, и, конечно же, оно внутренним образом связано с «правовой идеей», т.е. с религией. При этом А. Мюллер предупреждал: во всех наших законодательствах и понятиях о государстве замечается некий смертоносный признак того, то «мы утратили смелость и силу оживить их и привести в движение»: мертвые понятия «естественного» права и анархистское учение неогуманистов о «случайном» и вынужденном характере государства могут быть преодолены только в ходе и результате реставрации органической теории «природно-общительного состояния в противоположность химере состояния искусственно-гражданского»⁹. Природный закон ближе к божественному, чем к «естественному», и сводится к тому, чтобы «правил и мог править только человек, имеющий власть и могущественный»; государство и право основываются на силе и власти, а идея справедливости, коренящаяся в «естественном» праве, уступит место воле к власти, как правовой первосущности. Порядок природы установлен Богом, так же как и властная иерархия, государи не являются слугами государства (как возможно, не очень искренне именовал себя Фридрих II), но абсолютными властителями его, его собственниками, в связи с чем государственное право формально вполне совпадает с правом частным.

Адам Мюллер был настоящим романтиком. Рассматривая государство как особый «центральный организм», он вместе с тем верно следовал Гегелю, видя в государстве порождение непрестанных столкновений и синтезов различных сил. Вся конструкция развития основывалась у него на идее провидения, которая и обеспечивала этот окончательный синтез, порожденный «откровением, авторитетом и боговоплощением»: древность в ретроспективе представлялась только развертыванием сферы частной жизни, а Средневековье — эпохой возникновения корпоративных надперсональных

⁷ См.: Морлей Дж. Руссо. М., 2011. С. 326–328.

⁸ Дройзен И.Г. Историки. М., 2000. С. 371–373.

⁹ Цит. по: Циглер Т. Умственные и общественные течения XX века. СПб., 1900. С. 127–128, 129.

государств. «После современного отпадения к язычеству, частному праву и частной морали... грех и окончательное ожесточение вошли в развитие как его ингредиенты, задача современности должна состоять... в расширении Христова царства в виде системы объединяющихся вокруг Церкви национальных государств, борющихся и в борьбе созидающих закон, право и мир»¹⁰. Это была новая концепция политического католицизма, выраженная в наиболее универсальной и нормативной форме: Доносо Кортес, Жозеф де Местр, Эдмунд Берк и другие контрреволюционеры XIX века могли бы с готовностью под ней подписаться.

Понятие о договоре, с этой точки зрения, может стать серьезным источником опасных политических последствий: основывать общество на конвенциональных началах означало бы вносить в конкретные социальные и политические комбинации и приспособления элементы произвола и делать их независимыми от природы вещей. Это уже продемонстрировали в своей политике верные ученики Руссо — якобинцы. Им казалось, что законодатель может по своей воле изменить человеческую природу и произвольно отбирать у человека силы, составляющие от природы его собственность для того, чтобы заменить их другими, чуждыми для него: здесь властитель и политическое «тело» как бы начинают составлять одно целое.

Договор у Руссо превращается в нормативное соглашение между равными (тогда как у Гоббса это только акт отказа со стороны многих в пользу одного или немногих): именно здесь и находится исходный пункт руссоистской идеи революции — идея о братстве. В этой же идее Руссо найдет и необходимое юридическое обоснование для своего сентиментализма, а социализм позже доведет эту мысль до логического конца: люди вступают в ассоциацию не только как равные участники в политическом верховенстве, но и как равные во всем: из сферы политики идея равенства будет вскоре перенесена на социальный и экономический базис. Поскольку только суверен или властелин и имеет право объявлять «общую волю», этот акт может быть только прерогативой центра: якобинцы, понимая

это, «ухватились за букву догмата о народном верховенстве, но при этом утратили его дух».

Сам Руссо полагал, что демократия, т.е. управление всех всеми, как он ее понимал, является формой, слишком совершенной для ее использования реальными людьми, а скрытые религиозные воззрения Руссо дали ему возможность трезво различать способности настоящего «Властителя бытия» и политического властелина, поэтому он не мог согласиться на такое пользование верховной властью, которое по форме и сути могло бы быть чисто атеистическим¹¹. «Общественный договор» превращался в обычную политическую и юридическую фикцию, условный характер которой даже особенно и не скрывался. Прежде всего требовалось наличие некоего первоначального акта для обоснования всего последующего развития «норм и институтов: таким актом в истории был Золотой век», в юриспруденции «социальный контракт». Этот акт, как бог деистов, единообразно запускал в действие весь механизм политического космоса. При этом «естественный закон» не являлся только простой суммой волевых актов: закон — не только совокупное понятие декретированного и предписанного, он является изначально полагающим нечто, это упорядочивающий, а не упорядоченный порядок, поэтому «совершенное» понятие закона предполагает заповедь, воздействующую на отдельные воли, сама эта заповедь не создает идеи закона и справедливости, но подчиняется этой идее. Заповедь приводит идею в действие, и в этом как раз и заключается «платонизм» нового «естественного права». Законодатель, предписывая свои отдельные позитивные законы, имеет в виду норму, которая обладает абсолютно универсальной значимостью и является образцом и связующим началом для каждой воли, в том числе и самого законодателя (Гуго Гроций)¹²: «естественное право» уже не могло обойтись без метафизики.

Как заметил В. Дильтей, концепция «естественного права» обернулась заблуждением именно потому, что целевую взаимосвязь права рассматривали как абстрактно безотносительную — вне ее связи и с

¹⁰ Цит. по: Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 249.

¹¹ См.: Морлей Дж. Указ. соч. С. 332–346.

¹² Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 264–265.

хозяйственной жизнью, и с внешней организацией общества — и находящуюся как бы по ту сторону исторического развития: действительность была здесь подменена абстракцией, и множество форм действительного правопорядка оказались необъяснимыми¹³. (При этом «главными чертами «естественного права» всегда оставались хитрость и сила». А. Сметана)

Идейное наступление на «естественное право» совпало с наступлением на один из его существенных аргументов, свидетельствующих о якобы неоспоримой действительности этого права, — на математические основания закона, столь убедительно пропагандировавшиеся Пуфендорфом. Согласно «идее свободы», которую проповедовали деятели 1789 года, необходимо было, чтобы в «переходный период» революции признанная власть исчезла, а народ в это же время что-то непрерывно обсуждал, без господина, без избранных, без представителей. Это и есть «общество мысли». Как только общество образуется, в нем неизбежно формируется внутренний кружок, который начинает руководить им: «Там, где царит свобода, там правит машина. Таков революционный порядок, неопровержимый как логика... Здесь с избытком хватает самого низкого и грубого вида активности — страсти и страха, того, что в 1793 г. называли «энергией»»¹⁴.

В неискренности волю сторон «общественного договора» заподозрил еще Гоббс, Руссо уже прямо говорил о корыстных намерениях основных идеологов этого договора. В революции идея «общественного договора» становится просто ширмой для партийных и частных интересов. К середине XIX века он превратился в синоним «конституции». Господствующая воля формулировала свои условия, ссылаясь на этот забытый авторитет, логика которого была окончательно утрачена. Действительная воля власти находила себе выход в избытке вполне конкретных правовых норм и предписаний.

Руссо полагал, что глубинное содержание политических норм обусловлено моралью, обычаями и мнениями, господствующими

ми в обществе. Поэтому любая рациональная политическая деятельность следует неким органическим принципам, которые не могут быть описаны формулами и которые не отличаются строгой закономерностью. Иррациональные страсти, которые движут людьми, невозможно предвидеть: присущие разуму изначальные формы, на которые так рассчитывает «естественное право», становятся видимыми только по мере их реализации, но совершенно непознаваемы до этого момента. Все попытки, сделанные «естественным правом» в XVII–XVIII вв. с целью исключить непрогнозируемую историю из политической жизни, оказались неудачными, и XIX век сделал именно ее основным фактором политической науки. В результате первоначальная «прозрачность человеческой природы», о которой с такой надеждой говорил Руссо, очень скоро была заменена темным и невразумительным миром, в котором царствуют хаос, несправедливость и борьба.

Столкновение «прозрачности» и «неясности» определенно соотносилось с панорамой борьбы между добром и злом. Руссо казалось, что история недобросовестно скрывает настоящую человеческую природу, Эдмунд Берк считал, что только история ее по-настоящему и раскрывает. В русле старой аристотелевской традиции Берк находил и подчеркивал существенную значимость традиций и предрассудков, как раз и составляющих природу политического, где ясность и прозрачность непостижимы. Предрассудки — вот естественный продукт природы, который приходит на помощь идеям, когда те выходят за рамки, установленные разумом, поскольку сами идеи не могут быть полностью объективированы¹⁵. «Естественное право» всегда оставалось продуктом природы, тогда как договор означал искусственную конвенцию и рациональную идею. Первое питало рост «органического государства», второй видел в государстве только «произведение искусства» и всячески способствовал созданию этого образа. В основании «естественного права» была заложена натуральная спонтанность, договор же весь был пронизан разумом.

И снова, теперь уже у Макса Вебера, разум выступит как радиотехническая способность, нейтральная по отношению к любым

¹³ Дильтей В. Введение в науки о духе. М., 2000. С. 357.

¹⁴ Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. С. 250–251.

¹⁵ См.: Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 76–77.

нравственно-этическим ценностям (в этом он будет следовать традиции Гоббса, Макиавелли и Ницше). Государство как политический институт с рационально разработанными конституцией и системой права, ориентированное на рационально сформулированные правила, на «законы», под управлением чиновников-специалистов, — в такой комбинации признаков государственная форма становится характерной прежде всего для Запада (М. Вебер). Рационализация, устраняющая всяческие спонтанные действия власти и законодателя, нацеливается на формирование нового автоматического порядка, когда на место юридических норм навязчиво приходят нормы организационные и технические, весьма мало общего имеющие с естественностью и «природой» вообще.

Но и поглощение «естественного права» позитивным законом, свойственное эпохе модерна и рационализации, вовсе не гарантировало того, что «всеобщая воля» (теперь уже воля юридического большинства) не может ошибаться. Народ не всегда видит собственное благо, поэтому он нуждается в просвещении и руководителе: «народ надо научить знать, чего он хочет», а индивида следует превратить в полноправного гражданина, предпочитающего общее благо своему частному благу. Разрешение проблемы возлагалось, конечно же, на законодателя, который, «приписывая божественное происхождение кодексу, который он сам же разработал... убеждает народ в благе тех законов, которые он представляет его голосованию, и превращает индивида из есте-

ственного существа в гражданина»: только посредством деятельности законодателя конвенциональное приобретает силу естественного¹⁶.

Классическое представление о законности оказалось несовместимым с представлением Руссо, поскольку пыталось скрыть суверенитет народа, заместив его верховенством закона. Руссо поэтому и был вынужден искать некий заместитель деятельности законодателя: функция, первоначально возложенная на законодателя, стала осуществляться квазинаучной «гражданской религией», целенаправленно внушающей гражданину необходимые для блага общества чувства.

Литература

1. Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 437 с.
2. Дильтей В. Введение в науки о духе. М., 2000. С. 357.
3. Дройзен И.Г. Историка М., 2000. С. 371–373.
4. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 264–265.
5. Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. С. 250–251.
6. Морлей Дж. Руссо. М., 2011. С. 326–328.
7. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 249.
8. Циглер Т. Умственные и общественные течения XX века. СПб., 1900. С. 127–128, 129.
9. Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 201–202.
10. Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 35–38, 241–248, 273–274.

¹⁶ См.: Штраус Л. Естественное право. С. 273–274.

О специфике заключения договоров найма на Крайнем Севере в XIX в. (или как долго использовали при оформлении таких договоров «доски»?)*

*Ефимова Виктория Викторовна,
доцент кафедры теории, истории государства и права
Петрозаводского государственного университета,
кандидат юридических наук
efimova1870@rambler.ru*

В ходе подготовки в начале 20-х гг. XIX в. к христианизации архангельских самоедов (ненцев) выяснилось, что значительная их часть находится в имущественной зависимости от русских и зырян. Церковной администрацией было предположено, что это может стать одним из главных препятствий к осуществлению задуманного. Александр I затребовал у архангельского, вологодского и олонезкого генерал-губернатора А.Ф. Клокачева удостовериться в этом. В результате сделанных им в 1822 г. запросов была не только подтверждена зависимость ненцев, но и детально описана процедура заключения с ними договоров найма на пастьбу оленей. Оказалось, что они до сих пор продолжают оформляться при помощи древнейшего способа — «досок», активно упоминаемого еще в Псковской судной грамоте. Исследователи обычного права ненцев фиксировали такую практику еще во 2-й половине XIX в.

Ключевые слова: договор найма, самоеды, «доски», генерал-губернатор, Крайний Север.

On Specific Nature of Conclusion of Employment Contracts in the Extreme North in XIX Century (Or How Long were “Boards” Used upon Execution of Such Contracts?)

*Efimova Viktoriya V.,
Assistant Professor of the Department of Theory, History of State and Law
of the Petrozavodsk State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

In the early 20s of the XIX century at the period of Christianization of the Arkhangelsk Nenets (the Samoyeds) it was revealed that a significant part of them were dependent on Russian and Zyrian population on property. Church administration suggested that it could be one of the main obstacles to evangelize them. Alexander I demanded A. F. Klokachev, Arkhangelsk, Vologda and Olonets Governor-General, to prove the fact. As the result of the requests made in 1822 property dependence of the Nenets was confirmed and the procedure of conclusion of employment contracts on deer grazing with them was also described in detail. As it appeared employment contracts were still concluded in an ancient way — using special wooden or bast-fiber planks (“doski”), mentioned in the Pskov judicial practice. Researchers of customary law of the Nenets recorded this practice even in the 2nd half of the XIX century.

Key words: employment contract, the Samoyeds, “doski” (wooden or bast-fiber planks), the Governor-General, the far North.

В современной историко-правовой науке не угасает интерес к обычному праву¹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К.

¹ См., напр.: Горбунов С.Н., Молчанов Б.А., Фалилеев Н.Я. Историко-правовые аспекты формирования правового статуса коренных народов. М.—Архангельск, 2007; Плоцкая О.А. Обычное этническое право у финно-угорских народов

Отчасти это вызвано допущением в ст. 5 Гражданского кодекса Российской Федерации регулирования гражданско-правовых отношений на основе обычая. Это еще раз доказывает, что обычное право — самая

Пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // История государства и права. 2014. № 15. С. 53–58; Наумкина В.В. Имущественные отношения в обычном праве кочевых народов Восточной Сибири в XIX веке // История государства и права. 2015. № 15. С. 44–47.

устойчивая форма бытования права. В связи с этим вызывают несомненный интерес поиски ответа на вопрос: а как долго могла применяться на практике устная форма заключения сделок, а также свойственные ей способы и порядок их заключения (например, «доски»)?

Напомним, исследователи полагают, что 1-е упоминание в летописи о «досках» находится под 1209 г.²; а в берестяных грамотах — в грамоте № 82, датируемой последней четвертью XII века³. Всем же знакомым с Псковской судной грамотой известно, что «доски» там упоминаются неоднократно (см.: ст. 14, 19, 28–31, 36, 38, 61, 62, 75, 92, 103). Однако до определенного момента ни дореволюционные, ни советские историки права не давали четкого объяснения того, что же они из себя представляли. Например, Ф.Н. Устрялов полагал, что еще в XV в. «не вывелось из употребления писать акты на досках, как на веществе прочном и дешевом»⁴; И.Д. Беляев считал, что «доски» — это долговая запись⁵; И.Д. Мартысевич — простой домашний документ, записанный на доске или лубе⁶; А.А. Зимин — это частный акт (расписка о долговых обязательствах, формально не утвержденная), написанный на доске или бересте⁷; Ю.Г. Алексеев — это неформальная безымянная память, которой пользовалась «социальная мелкота», укрепляя ими устный договор⁸. Только в 1993 г. археологи В.Л. Янин и А.А. Заизняк по материалам раскопок 1984–1989 гг. описали, как выглядели «доски». Это были круглые в сечении деревянные палочки, расколотые вдоль, что придавало им форму плашек, снабженных по краям зарубками, а на широкой поверх-

ности — надписями. «...На плашке полное соответствие числа зарубок цифровым позициям записи... Вторая отрубленная половина была идентична найденной и находилась в руках должников... Наличие такой половины было гарантией для должников от произвольного увеличения долга путем добавления лишней зарубки или добавок к надписи. При возвращении долга обе половины совмещались и уничтожались»⁹. Но, как долго таким способом происходило оформление договоров, вопрос остался открытым. Тем более что ни в одном из последующих крупных законодательных актов московского периода «доски» уже не упоминаются, из чего можно было бы заключить, что данный способ оформления договора вышел из употребления.

Однако, выясняя роль архангельских, вологодских и олонечских (далее — архангельских) генерал-губернаторов в христианизации ненцев, мы столкнулись с упоминанием «досок» в ряде архивных документов начала 1820-х гг. История эта началась в 1819 г., когда министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын предписал местной администрации «без огласки» изыскать «удобнейшие способы», как начать это дело. Архангельский епископ Парфений в свою очередь поручил это сделать тотемскому протоиерею Савинову. Из разговоров с местной администрацией, русскими хозяевами и приехавшими вместе с ними на Важгортскую ярмарку (Яренский уезд Вологодской губернии. — В.Е.) их работниками-самоедами Савинов вынес убеждение, что одним из главных препятствий в христианизации может стать сопротивление русских и зырянских хозяев, о чем и было донесено А.Н. Голицыну. Последний в апреле 1822 г. запросил мнение по этому поводу бывшего тогда архангельского генерал-губернатора А.Ф. Клокачева, который в свою очередь приказал Мезенскому земскому суду прояснить ситуацию¹⁰.

Исполнительный рапорт от исполнявшего должность мезенского земского исправника дворянского заседателя Бутакова датируется 19 августа 1822 года. Чиновник писал, что большинство имеющихся самоедов действительно находятся в услужении

² Мартышин О.В. Вольный Новгород. М., 1992. С. 315.

³ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 294.

⁴ Устрялов Ф. Исследования Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855. С. 18.

⁵ Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 317 (переизд. его «Лекций», опубликованных в 1879 г.).

⁶ Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 72–73, 197.

⁷ Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1953. С. 339.

⁸ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 78, 90.

⁹ Цит. по: Момотов В.В. Указ. соч. С. 261.

¹⁰ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 65. Л. 26–27, 44–54.

у русских и зырянских «хозяев» (мезенских, пустозерских, ижемских и усть-цилемских крестьян и мещан), выпасая их оленей, за что каждый работник получает плату от 20 до 50 руб. в год «да сверх продовольствие хлебом, платьем и обувью на целое семейство». Условия договора заключаются «на словах и со стороны самоедов соблюдаются в точности, разве что хозяева по неудовольствию не додержат до срока. В таком случае кабальный самоедин по неимению достатку на расплату с хозяином переходит к другому и сей уже принимает долг на себя за него, а иначе дает дощечку, **как издавна водилось и ныне также есть** (выделено нами.— В.Е.), в виде обязательства, с назначением на ней количества рубежей против долгу и приложением своего клейма, раскальвая оную надвое, половину берет себе; половину — хозяину до заплаты долгов, которые по удовлетворению и уничтожаются. Впрочем, условия их, так и дощечки ни та, ни другая сторона не объявляют выборным и никем не свидетельствуются, а нередко случается, один на один договариваются»¹¹.

В распоряжении А.Ф. Клокачева был еще один документ, который, как следует из регистрационной надписи на нем, поступил в его канцелярию 17 августа 1822 г. от бывшего мезенского земского исправника К-ва¹². Назывался он «Замечания о ясашных самоедах Мезенского уезда» и представлял из себя ответы на вопросы, среди которых были и такие: «чем самоедин в долг забирается и наконец бедны бывают», «счет как долгам ведут», «каким образом расчеты принимают окончание», «насколько часто подают жалобы и в чем они состоят». Чиновник так ответил на них: «Самоеды, исключая большеземельских, все почти забирают у крестьян под залог оленей хлеб, табак, иногда вино, свинец, порох, сукно для платья и др.; мещане все это продают по большой цене, а взамен получают промыслы их и рыбу по ценам, какие похотят дать, но когда самоеды не успевают заплатить в срок, то просят еще сроку и снова под залог оленей, а расплатиться если не могут из-за худого промысла или пропьют, тогда отдают оленей или другим закладывают, а сами идут в услуги к мещанам и крестьянам и остаются в сем поло-

жении до времени, если кто за них не внесет хозяину, а в противном случае — навсегда остаются у них в работе». «Счет» же долгам ведут так: «делают дощечку, ставят на оной знаки и буквы, а потом оную пополам колют; одну берет самоедин, другую — хозяин, дабы впредь можно было сверить». В заключении сообщалось: «Самоеды, которые попадают в рабство, живут в повиновении, но иногда выходят из границ терпения, если будут притеснять их, или бить или не будут кормить или оленей отнимать. Вольные являются с жалобами, но несклонны к ним»¹³.

В начале 1824 г. в тундре произошла трагедия. Ненец Егорка Нарцын, служивший у мезенского крестьянина Ивана Корепанова в пастухах, сбежал от него еще в 1823 г. за «камень» (за Урал.— В.Е.), уведя вместе со своими оленями и хозяйское стадо в 100 голов. В январе 1824 г., при попытке его задержать, он стрелял в своих преследователей, а затем, вбежав в чум, зарезал четверых своих детей и нанес раны жене и себе. Позже в Мезенском уездном суде он показал, что причиной его бегства было то, что хозяин его «худо кормил и бил понапрасну», а также приказывал «себе в пропитание» воровать оленей. Но, как не сумевший в формальном порядке доказать свои показания, Нарцын в мае 1824 г. Архангельской уголовной палатой был приговорен к смертной казни, замененной 10 ударами кнутом, клеймению и отсылке в кандалах в Сибирь на каторжные работы навечно¹⁴.

Архангельское губернское правление вынуждено было обсудить создавшееся положение. Но прежде, обратив внимание, что по существующим законам полиция не имеет права оказывать покровительства сторонам, заключившим устный договор, а суд не может справедливо рассмотреть такое дело, предложило Мезенскому земскому суду подумать над вопросом, какие можно было бы предпринять меры для защиты самоедов от попадания в кабалу к русским и зырянским хозяевам, «как народа менее сведущего и безграмотного». Последний ответил, что «заставить хозяев делать непременно письменные условия с самоедами о пастыбе ими оленей будет отяготительно, ибо выезжать для сего в город за 800 верст составит издержки, ничем вознаградиться не-

¹¹ ГАОО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 65. Л. 78-83.

¹² Фамилия написана неразборчиво. По «Адрес-календарям» не проходит.

¹³ ГАОО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 65. Л. 89.

¹⁴ ГАОО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 251.

могушие и наниматель на себя оных не примет. Писать же договор на месте в тундре не на чем — да и некому, кроме самого нанимателя, тоже не всегда грамотного, который по неблагонамеренности иногда для собственной пользы могут поместить то, на что договаривающийся не согласен». Поэтому суд предлагал «поставить в обязанность всем хозяевам оленных стад об условиях, заключенных словесно с пастухами из самояд, объявлять каждый раз земскому суду письменно». Суд полагал, что это не принесет никакого отягощения хозяевам, которые почти всегда по своим делам хоть раз в год бывают в Мезени. Зная же о плате, которую дают прочие наниматели, в случае сомнения в конкретном случае, суд всегда сможет поручить самоедским старшинам или своим членам, бывающим в разъездах по уезду, узнать о верности условий у нанявшегося, а «в долгах разбираемы быть могут по заведенным ими прежде вышеупомянутым деревянным документам»¹⁵. В результате 7 июля 1824 г. Архангельское губернское правление определило, ссылаясь на указы 1761 и 1765 гг.¹⁶, самоедов, как народ кочующий и безграмотный, «никакими вообще договорными письменными документами не обязывать... кроме добровольных изустных, которые, ежели согласны с пользою обязывающегося услугою, считать бесспорными». Если же возникнет спор со стороны обязывающегося, то «подлежит всегда благоприятствовать сему менее защищенному состоянию людей». Правление полагало, что это приведет к тому, что «нанимающий для пастьбы оленей будет избирать из самоедов более благонадежного в доверии и стараться поддерживать такового... достойною к удержанию платою», а нанимающийся «для сохранения для себя выгод» будет «старателен и верен в деле своем хозяину». Но, прежде чем привести в исполнение это решение, правление представило его «на рассмотрение и уважение» к преемнику А.Ф. Клокачева — генерал-губернатору С.И. Миницкому.

¹⁵ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–3.

¹⁶ Важно заметить, что правление не сослалось на Положение о разборе исков по обязательствам, заключенным в Сибирских губерниях обывателями разных сословий от 22 июля 1822 г. (ПСЗ-1. Т. 38. № 29134). Это подтверждается тем, что до 1835 г. мезенские самоеды де-юре не считались «иногородцами», как полагают некоторые исследователи.

Последний, найдя данное постановление «служащим к защите и покровительству самоедов», 10 июля утвердил его¹⁷.

Таким образом, архангельский генерал-губернатор С.И. Миницкий продлил жизнь бытовавшему с раннего средневековья на Крайнем Севере устному договору найма, осложненному получением в задаток денег и продуктов, возврат которых гарантировался имуществом должника, а в случае невозможности возвращения долга обращавшийся в личные отработки. Как известно, данные правоотношения со времен судебников и Соборного уложения именовались «кабалами». Так их продолжали называть на Крайнем Севере и в начале XIX века. Оформлялись же такие договоры найма на пастьбу оленей с самоедами «досками». Безусловно, данный способ был унаследован из обязательственного права Новгородской республики, которой когда-то принадлежали эти территории.

О том, что практика заключения договоров найма путем оформления «досок» продолжилась и далее, свидетельствует посланный по приказу генерал-губернатора Миницкого в 1828 г. в мезенскую тундру «для открытия болезни на самоедах» лекарь Протопопов. В своих «Путевых записках» он подробно описал, как обсчитывают самоедов, «как в Польше жиды холопов (мужиков)», их хозяева «делают так: берут ивовую палочку (бирку), раскалывают пополам, начинают толковать: что брал когда-то муки столько пудов или мяса... и надрезают вместо 2-х — 4 и у себя и у работника, поставив, таким образом, каждую вещь вчетверо и более, засим на концах самоедин резывает свой фамильный герб, т.е. клеймо, и сим документом разменивается с хозяином... Самояды видят обман, но все так делают, говорят они, богатые: и русские и самоеды, а нам должно кормиться; другого промысла не имеем...»¹⁸.

В заключение заметим, что принятое в 1835 г. «Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым мезенскими самоедами между собою и с лицами посторонними» хотя и допускало наймы и займы

¹⁷ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 303.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 168 (1828 г.). Д. 79; По Мезенскому уезду в 1828 г. Путевые записки инспектора Протопопова // Отечественные записки. Ч. 37. СПб., 1829. С. 71–72.

«словесно и без явки», но совсем не упоминало «досок»¹⁹. Однако это совсем не означало, что они не применялись на практике. В частности, их подробно описывали все исследователи быта ненцев во 2-й пол. XIX века²⁰.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л., 1980.
2. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999.
3. Горбунов С.Н. Историко-правовые аспекты формирования правового статуса коренных народов / С.Н. Горбунов, Б.А. Молчанов, Н.Я. Фалилеев. Москва — Архангельск, 2007.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III Отделение С.Е.И.В. канцелярии).
5. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1367 (Канцелярия архангельского, вологодского и олонцкого генерал-губернатора); Ф. 68 (Архангельская палата уголовного и гражданского суда).
6. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов. СПб., 1877.
7. Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота: историко-юридическое исследование. М., 1951.
8. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.
9. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003.
10. Наумкина В.В. Имущественные отношения в обычном праве кочевых народов Восточной Сибири в XIX в. // История государства и права. 2015. № 15. С. 44-47.
11. Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М., 1953.
12. Плоцкая О.А. Обычное этническое право у финно-угорских народов Пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // История государства и права. 2014. № 15. С. 53-58.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 38. СПб., 1830.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1834.
15. По Мезенскому уезду в 1828 г. Путевые записки инспектора Протопопова // Отечественные записки. Ч. 37. СПб., 1829. С. 71-72.
16. Устрялов Ф.Н. Исследования Псковской Судной грамоты 1467 г. СПб., 1855.
17. Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным уральским горам. СПб., 1855.

¹⁹ ПСЗ-2. Т. 10. Ч. 1. № 8072 (§ 35 и 90).

²⁰ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России чрез тундры самоедов к северным уральским горам. СПб., 1855. С. 457; Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов. СПб., 1877. С. 192-201.

Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе — от «Русской Правды» до Устава уголовного судопроизводства

*Виноградов Владимир Александрович,
соискатель кафедры уголовно-процессуального права
Российского государственного университета правосудия
vinogradovspb.vladimir@yandex.ru*

В настоящей статье автором исследуется отечественный уголовно-процессуальный институт бремени доказывания на историческом этапе до 1917 года. Осуществлен анализ правовых норм, распределяющих бремя доказывания; представлен обзор российской правовой доктрины на основе трудов дореволюционных авторов. На основании изучения указанного материала демонстрируется влияние типологии уголовного процесса на доказательственные обязанности его участников.

Ключевые слова: бремя доказывания, обязанность доказывания, типология уголовного процесса, «Русская Правда», Устав уголовного судопроизводства.

Distribution of the Burden of Proving in the Domestic Criminal Proceedings – from “Russkaia Pravda” (“Russian Truth”) to the Charter of Criminal Judicial Procedure

Vinogradov Vladimir A.,
Student Seeking Candidate Degree of the Department of Criminal Procedural Law
of the Russian State University of Justice

In this article the author analyzes the legal nature of Russian criminal procedure organization of burden of proof over historical period before 1917. The author conducted an analysis of legal provisions regulating the assignment of burden of proof and made an overview of the Russian legal doctrine on the basis of pre-revolutionary authors works. According to the research of the above mentioned materials the effect of typology of criminal procedure on the participants duty of proving has been demonstrated.

Key words: burden of proof, duty of proving, typology of criminal procedure, “Russkaya Pravda”, regulations of criminal procedure.

Несмотря на то что первым самостоятельным правовым актом, последовательно и детально регламентировавшим порядок осуществления производства по уголовным делам и оформившим легальное и доктринальное разделение уголовного права и уголовного процесса, являлся Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее по тексту — УУС), с момента зарождения Российского государства правосудие не могло осуществляться без соответствующего регулирования. Его источниками выступали на разных этапах правовой обычай, акты государственной власти и нормы материальных отраслей права. Вполне естественно, что о выделении бремени доказывания в отдельный процессуальный институт и даже подынститут говорить до XIX в. не приходится, но накопленный историками и правоведами материал позволяет осуществить анализ развития данного правового явления.

История судебного процесса России берет начало в IX в., получив закрепление в одном из первых правовых актов — «Русской Правде» (далее по тексту — РП). Источниками этой кодификации являлись нормы обычного права и княжеская судебная практика. Определенное влияние на РП оказало византийское каноническое право¹.

Древнейшей формой судебного процесса был суд общины, члены которой в равной степени обладали правами и обязанностями в судебных разбирательствах. Княжеская власть еще не брала на себя обязанность преследования преступников, выполняя лишь непосредственно функцию правосу-

дия. И только в исключительных обстоятельствах, принимавших характер массовых волнений и бедствий, государство в лице своих представителей принимало на себя функцию охраны населения и восстановления порядка². Воля сторон являлась главным двигателем уголовного судопроизводства. Состязательность сторон сохранялась долгое время, поэтому процесс в Древней Руси называют состязательным (реже — обвинительным). Ему присущи такие отличительные черты, как равенство сторон и их активность при рассмотрении дела в сборе доказательств и улик. Однако А.В. Смирнов уточняет: «Идея равенства сторон в частно-исковом процессе, так же как в обвинительном, еще не вызрела, — ее место в общественном сознании занимает лишь формальное равноправие, создающее одинаковые стартовые условия для судебного следствия. С этим связан другой важный признак частно-искового судопроизводства, роднящий его с обвинительным процессом, — бремя доказывания равномерно распределяется между сторонами»³.

В ходе судебного разбирательства истец должен был представить факты, доказывающие справедливость его претензий. Если судьи сочтут эти факты очевидными, то его право будет доказано. Религиозность, свойственная людям того времени, являлась причиной использования для установления виновности лица доказательств, получаемых в результате «Суда Божьего».

¹ Рассказов Л.П., Петручак А.А., Упоров И.В. История уголовного процесса России. Краснодар, 2001. С. 5.

² Погорецкий Н.А. Русская Правда о поиске преступников и доказывании их вины // История государства и права. 2004. № 3. С. 30.

³ Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 63.

К нему относили судебную присягу, испытания (ордалии), судебный поединок. Инициатором их проведения чаще всего становился суд, в случаях когда для решения спора ему не хватало доказательств⁴. Между тем, как отмечают исследователи древнерусского уголовного процесса, состязательность обвинительного процесса в Древнерусском государстве нивелировалась системой формальной оценки доказательств судом⁵. Так, статья 29 РП предусматривала освобождение истца от обязанности приводить показания свидетелей при обвинении лица в нанесении ему побоев, если на теле потерпевшего оставались следы побоев; в соответствии со статьей 18 обвиняемый в убийстве мог снять с себя подозрения, представив суду показания 7 послухов⁶.

Т.Ю. Амплеева приводит следующий пример распределения доказательственного бремени: «Например, произошла кража коня. Хозяин произвел заклич. Проходит много времени, и он встречает на торгу неизвестного на своей лошади и требует вернуть лошадь, а также уплатить “татъбы”. Обвинение основано на поличном. Ответчик не спорит против того, что у него ворованная лошадь. Но против иска, направленного на него лично, он может возражать, заявив о том, что купил лошадь на торгу. Чтобы доказать это, ему нужно привести послухов. И если послухи скажут, что он точно купил лошадь на торгу, то он теряет только вещь, а протор и татъбу он платить не обязан. Это и будет доказанное свидетелями возражение против иска, основанного на улике»⁷.

Схожие с РП правила устанавливали и удельные княжеские судные грамоты. Так, порядок допроса подозреваемого в нанесении побоев или грабеже предусматривал установление его алиби (ст. 20 Псковской судной грамоты) (далее по тексту — ПСГ). После этого потерпевший предъявлял свои доказательства. Факт или событие счита-

лись достоверными, если их наличие подтверждалось четырьмя или пятью свидетелями⁸ (статьи 9, 27, 55, 56 ПСГ).

С возникновением Московского государства, усилением централизации власти происходят изменения и в характере уголовного судопроизводства. Судебник 1497 г. свидетельствует о возникновении, наряду с состязательной, инквизиционной формы процесса. Следственная, или инквизиционная, форма процесса, в отличие от состязательной, не предполагала обязательного участия сторон в деле и наличия жалобы для возбуждения дела. При этой форме расследование того или иного дела и привлечение к ответственности виновного или подозреваемого могло начинаться по инициативе самого суда⁹. Судебное следствие (сыск) в розыском процессе по сути своей представляло допрос и очную ставку, так как задачи по сбору доказательств вины подозреваемого возлагались на суд. Однако розыскной процесс Московского государства сохранил некоторые черты обвинительного процесса. Истец или потерпевший могли самостоятельно предъявить уголовный иск, а обвиняемый мог оспаривать его или доказать его несостоятельность¹⁰.

Соборное уложение 1649 г. стало первым систематизированным законом, который делился на тематические главы, посвященные определенной отрасли права. Как и в предыдущем законодательстве, в уложении еще не проводится различие между уголовным и гражданским процессом. В судопроизводстве по уголовным делам господствовал розыскной инквизиционный процесс, в котором активная роль принадлежала судьям как представителям государственной власти¹¹.

В петровском уголовном процессе судья играл ведущую роль. Он принимал челобитную, возбуждал дело, решал вопрос о вызове сторон или ответчика в суд. Только судья мог допрашивать свидетелей. Именно суд определил порядок допроса свидетелей и предоставления иных доказательств. Вся де-

⁴ Селедкина Н.А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 58.

⁵ Лекции по истории уголовного процесса России / науч. ред. И.В. Смолькова. Иркутск, 2010. С. 34.

⁶ «Русская Правда» // Российское законодательство X–XX вв. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.

⁷ Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 179.

⁸ Загорский Г.И., Зюбанов А.Ю. У истоков российского уголовного судопроизводства. М., 2016. С. 26.

⁹ Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. Указ. соч. С. 13.

¹⁰ Амплеева Т.Ю. Указ. соч. С. 234–239.

¹¹ Рассказов Л.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. Указ. соч. С. 35.

тельность суда и оценка им доказательств строго регламентировалась законом, что полностью исключало проявление какой-либо инициативы от каждой из сторон¹².

Принятие УУС 1864 г. можно считать главным фактором зарождения уголовного процесса как самостоятельной отрасли российского права, а также толчком к активному развитию его отечественной доктрины. Значительная часть работ была посвящена институту судебного доказывания в целом и в частности разработке учения о бремени доказывания.

УУС законодательно закреплял два вида уголовного преследования — частное и публичное.

Уголовное преследование в частном порядке, по общему правилу, осуществлял сам потерпевший (ч. 1 статьи 42 УУС). В предмет доказывания входили, в соответствии со статьей 46 УУС, в том числе преступное деяние, место и время его совершения, а также указание на вред, причиненный преступлением.

Кроме того, часть 5 статьи 46 обязывала частного обвинителя сделать указание на доказательства, на которых было основано обвинение. В соответствии со статьей 104 УУС судья не имел права проявлять активность в сборе доказательств и ограничивался доказательствами, представленными сторонами или получением в случае указания на них последними.

По уголовным делам публичного обвинения закон обязывал осуществлять уголовное преследование, а следовательно, и доказывание должностных лиц органов государственной власти. В соответствии со статьей 4 УУС, «по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом возлагается на прокуроров и их товарищей»¹³. Перечень обстоятельств, образующих главный предмет доказывания, еще не был легально закреплен, это будет сделано в последующих отечественных уголовно-процессуальных актах. Л.Е. Владимиров по этому поводу выражал следующее мнение: «В предмет доказывания входят вопросы о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и вменяем

ли этот последний. Если событие преступления не вполне свершилось, то должен быть исследован вопрос о степени приведения злого умысла в осуществление. Если в преступлении участвовало несколько лиц, то должно быть разъяснено участие каждого лица в отдельности. Обстоятельства, смягчающие или усиливающие виновность, также должны быть исследованы. При этом нельзя не отметить, что входит ли не входит по закону мотив данного преступления в его понятие, он должен быть исследован»¹⁴.

В УУС также не получили закрепления основные принципы уголовного судопроизводства, непосредственно влияющие на распределение бремени доказывания, такие как состязательность сторон и презумпция невиновности. Несмотря на это, непосредственный анализ норм УУС, регламентирующих судебное следствие, а также доктрины того времени позволяет сделать вывод о главенствующей роли суда в осуществлении доказывания. Статья 613 УУС прямо предусматривала, что суд направляет движение процесса в целях установления истины. Статьи 684, 687, 688, 690 692 УУС предусматривали право суда по собственной инициативе допрашивать подсудимого, оглашать протоколы следственных действий, проводить осмотры, допросы лиц, производивших следственные действия, назначить освидетельствование в ходе судебного разбирательства.

В доктрине уголовного судопроизводства доминировала позиция о допустимости и необходимости активной роли суда в осуществлении доказывания. Так, И.Я. Фойницкий указывал именно на материальный характер истины, подлежащей установлению судом, и, признавая это правильным, цитировал объяснительную записку уголовной комиссии при государственной канцелярии: «Принятое основными положениями начало судебного состязания сторон не исключает самодеятельности суда в уголовном судопроизводстве и не обязывает его решать дела только по тем данным, которые предъявлены сторонами, но требует единственно того, чтобы по всем сведениям, относящимся к делу, сторонам была предоставлена возможность судебного состязания. Задача уголовного суда

¹² Амплеева Т.Ю. Указ. соч. С. 286.

¹³ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ».

¹⁴ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 145.

есть открытие в каждом деле безусловной истины»¹⁵. Более того, В.К. Случевский полагал, что суд не только обязан и вправе осуществлять доказывание, но и является главным его субъектом: «Уголовный суд стремится к обнаружению материальной истины во имя интересов публичных и пользуется результатами состязательной деятельности сторон только настолько, насколько она в состоянии содействовать достижению этой цели. Если оставить в стороне исключительный порядок производства по уголовно-частным преступлениям, то можно установить, как общее правило, что суд не только имеет право, но должен рассматривать дело по существу во всем объеме, не ограничиваясь теми обстоятельствами, на которые ссылаются стороны. Обязанность выяснить все дело лежит на суде, следовательно, он, в сущности, несет на себе *onus probandi*» при содействии сторон. Таким образом, мы полагаем, что господствующее воззрение о том, что обязанность представления доказательств лежит на обвинителе, должно понимать не в смысле формальной обязанности, а в смысле обязанности, создаваемой процессуальными интересами обвинителя»¹⁶. Соглашался с активной ролью суда, хотя и в менее категоричной манере, С.И. Викторский: «В Англии и Америке доказательства собираются исключительно сторонами, тогда как у нас эта обязанность лежит частично и на судьях в силу следственно-начала»¹⁷.

В доктрине уголовного процесса также были представлены суждения относительно возможности возложения бремени доказывания на сторону защиты. Прежде всего дискуссий не вызывал тот факт, что по общему правилу на подсудимого и его защитника **не возлагалось** бремя доказывания именно как **юридическая обязанность**. На это указывали в том числе Л.Е. Владимиров, Д.Г. Тальберг, Г.С. Фельдштейн¹⁸.

Однако некоторые правоведы отмечали, что, несмотря на недопустимость возложения юридической обязанности доказывания на сторону защиты, состязательный характер судебного следствия может порождать **фактическую обязанность** доказывания подсудимого: «Бремя доказывания переходит к подсудимому или его защитнику, как скоро они не ограничиваются одними критическими замечаниями, направленными к тому, чтобы показать недостаточную обоснованность обвинения, а указывают на известные факты, противоречащие фактам, приводимым обвинителем; тогда, желая сделать убедительными свои возражения, они должны доказать те факты, которые выдвинуты ими в противовес обвинению. Но на подсудимого и его защитника бремя доказывания падает лишь в смысле принадлежащего им права защиты»¹⁹.

Необходимо отметить, что мнение, согласно которому бремя доказывания стоит понимать шире, чем просто юридическую обязанность, наиболее полно выражено И.Я. Фойницким: «...«бремя или обязанность доказывания» употребляется в тройном смысле: в смысле правовой обязанности, формальной или материальной, или же в смысле обязанности фактической». В смысле обязанности формальной это бремя означает процессуальную обязанность, лежащую на той стороне, которой в случае, если бы по делу не было представлено вообще никаких доказательств, закон угрожает опасностью потери ее требования. Такое значение это имеет там, где представление доказательств лежит всецело на сторонах, не распространяясь на суд. В смысле материальной обязанности бремя доказывания по закону ложится на сторону, на которую падает невыгода, протекающая из неполного установления доказанности какого-либо отдельного обстоятельства. В смысле обязанности фактической бремя доказывания имеет в основании своем не предписание закона, а фактическое положение в процессе сторон, которые могут оказываться заинтересованными в том, чтобы суд принял или не принял то или иное обстоятельство как доказанное»²⁰.

¹⁵ Цит. по: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1896. Т. 1. С. 69.

¹⁶ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. М., 2008. С. 121.

¹⁷ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд. М., 1912. С. 60.

¹⁸ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 184; Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.,

1915. С. 64; Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. 2. Киев, 1891. С. 678.

¹⁹ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 124.

²⁰ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1996. С. 206.

Правоведами также рассматривался вопрос об исключениях из общих правил распределения бремени доказывания. Так, В.К. Случевский указывал, что в случае нахождения у подсудимого билетов, тождественных похищенным, и противоречивости его показаний относительно их приобретения обязанность доказать законность их приобретения лежит на подсудимом²¹. Еще один пример приводил С.В. Познышев: «В виде исключения *onus probandi* возлагается иногда законом на обвиняемого, именно в делах об оскорблениях в печати. Так, обвиняемый в диффамации, для освобождения себя от ответственности, должен, в случаях, обнимаемых 2 частью ст. 1039 Улож. о нак.²², представить письменные доказательства справедливости оглашенного. Сочинитель отвечает за содержание своего сочинения, содержащего в себе оскорбительный о ком-либо отзыв, если не докажет, что публикация его сочинения произведена без его ведома и согласия (ст. 1042, п. 1; ст. 1040–1041 Уложения о наказаниях)».

Таким образом, исходя из анализа института бремени доказывания в российском уголовном процессе на дореволюционном этапе его развития можем сделать вывод об усилении роли представителей государства в осуществлении доказывания по мере усиления централизации государственной власти и ослабления частногоискового элемента в уголовном процессе.

²¹ Случевский В.К. Указ. соч. С. 487.

²² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.— *Прим. автора.*

Литература

1. Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд. М., 1912.
3. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910.
4. Загорский Г.И., Зюбанов А.Ю. У истоков российского уголовного судопроизводства. М., 2016.
5. Погорецкий Н.А. Русская Правда о поиске преступников и доказывании их вины // История государства и права. 2004. № 3.
6. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
7. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Том 1. М., 1984.
8. Рассказов А.П., Петручак Л.А., Упоров И.В. История уголовного процесса России. Краснодар, 2001.
9. «Русская Правда» // Российское законодательство X–XX вв. Том 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.
10. Селедкина Н.А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
11. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. М., 2008.
12. Смирнов А.В. Типология уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
13. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. 2. Киев, 1891.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.ru/content/view/1114/0/1/1>.
15. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>.
16. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.
17. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996.

Американская модель федерализма: становление и основные этапы развития

Гуляков Александр Дмитриевич,
ректор Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
rector@pnzgu.ru

Американская модель федерализма основана на очень благоприятных предпосылках: геополитических, военных, экономических, этнических и идеологических. Федеративное государство сформировалось «от корней травы» — по инициативе местных элит и с согласия рядовых американцев. Он имел постоянные тенденции к централизации и прошел этапы дуалистического и кооперативного федерализма. В настоящее время утверждается, что существуют полярные друг другу формы конкурирующего и фрагментационного федерализма.

Ключевые слова: федерализм США, история федерализма, модели федерализма, этапы федерализма, сравнительный федерализм.

American Model of Federalism: Establishment and Main Development Stages

Gulyakov Aleksandr D.,
Rector of the Penza State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

American model of federalism is based upon very favourable prerequisites-geopolitical, military, economic, ethnic and ideological. The federative state was formed from the 'grass roots' — by the initiative of local elites and with the consensus of rank-and — file Americans. It had steady centralizing tendencies and passed stages of dual and cooperative federalism. Now it's claimed that there are polarizing forms of competitive and fragmented federalism.

Key words: federalism in the USA, history of Federalism, models of Federalism, stages of Federalism, comparative federalism.

Первой по времени возникновения в современную эпоху является американская модель федерализма. Это не значит, что она была самой лучшей или являлась неким маяком для остальных моделей. Просто американцы оказались первопроходцами в деле федерализма в эпоху модернизации.

Английские колонии разместились в чрезвычайно благоприятных природных условиях, простираясь с севера на юг по берегу Атлантического океана и охватывая различные климатические зоны. Американцам было ниспослано «разнообразие почв и произрастающих на них плодов... Судходные реки и озера образуют цепь вдоль ее границ, словно связывая ее в одно целое...»¹. Меридиональное размещение колоний и одинаковая их транспортная доступность по отношению к Европе ведут их к возможности взаимного хозяйственного дополнения.

Освоение североамериканских территорий осуществлялось экономически продвинутой страной с относительно

слабым абсолютистским режимом, с опорой не только на военно-бюрократические методы (как это было в колониальных империях Испании, Португалии, Франции), но и на частную инициативу. Колонии достаточно быстро (менее чем за 150–120 лет) добились заметных хозяйственных успехов и уже в середине XVIII в. стали требовать налогового-финансовой и политической автономии. Они достигли достаточно приемлемого уровня жизни (с душевым ВВП выше, чем у современных Филиппин, но ниже, чем у Таиланда)² **при относительно значимой географической мобильности населения и отсутствии острых социальных противоречий.** Среди жителей доминировали носители английского языка и протестантских доктрин, акцентировавших внимание на личном успехе и предпринимательстве. При этом **агрессивный, твердый индивидуализм первопоселенцев сочетался с жестким конформизмом членов религи-**

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 34–35.

² Atack J., Passel P. A New Economic View of American History from Colonial Times to 1940. N.Y.; L., 1994. P. 7.

озных общин. Парадоксально, но Война за независимость в конечном счете была инспирирована отнюдь не тяжелейшим налоговым бременем. Пресловутое бостонское чаепитие в декабре 1773 г., которое стало предлогом для английских властей усилить репрессии против колонистов, «устроили не рассерженные потребители, а богатые контрабандисты из Бостона, которые могли лишиться доходов»³.

Американцам повезло, что у них в ходе Войны за независимость оказались могущественные союзники — Франция и Испания. Их вклад, возможно, и не следует переоценивать, но в поставках вооружений и скывывании британского флота их усилия нельзя не учитывать. Повезло американцам и в том, что их метрополия не была первоклассной сухопутной державой и не смогла выставить армию более чем в 50 тыс. штыков, что для огромного театра военных действий было явно недостаточным.

Бывшими колонистами в борьбе за свою свободу была апробирована **модель конфедеративного устройства**. Будем откровенны, в тех условиях иного и не было дано. Все восставшие колонии были очень разными, непохожими друг на друга как по своему организационно-правовому статусу, так и по социально-экономическому профилю.

Статьи Конфедерации, оформившие военно-политический союз бывших колоний, были сформированы после более чем года обсуждения в 1778 г., а ратифицированы всеми участниками только 1 марта 1781 г.

Была создана организация, «которую можно сравнить с Лигой наций. Существовала одноплатная легислатура, в которой каждый штат имел единственный голос, независимо от численности населения — подход, который вызывал несогласие у крупных штатов. Не существовало настоящего высшего должностного лица: президент конгресса просто председательствовал на его заседаниях и не имел собственных полномочий. Фактически должности секретарей иностранных дел, военных дел и суперинтенданта финансов были учреждены, но эти лица при всей своей влиятельности имели мало реальных полномочий»⁴.

³ Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 137, 139.

⁴ Collier C., Collier J.L. Decision in Philadelphia. The Constitutional Convention of 1787. N.Y., 1986. P. 4.

Участникам Конституционного конвента 1787 г., состоявшегося через несколько лет после окончания Войны за независимость, предстояло устранить недостатки конфедеративного устройства. В столкновении интересов крупных и небольших штатов, предложивших свои варианты организации власти⁵, был выработан компромисс, быстро осуществлена ратификация конституционного проекта и проведены выборы в конгресс и президента страны⁶.

Американский федерализм сформировался «снизу» — по инициативе местных элит и с согласия населения, а поэтому изначально он никоим образом не мог быть высокоцентрализованным. Для этого отсутствовали и необходимые материальные ресурсы. Среди населения существовало предубеждение против большого бюрократического аппарата. Вместе с тем у американского федерализма налицо был устойчивый центростремительный вектор развития (см. рисунок): американцы боялись экспансии как бывшей метрополии, так и европейских держав. Им предстояло осваивать огромный североамериканский континент.

В годы Гражданской войны (1861–1865) впервые были апробированы методы расширенного государственного регулирования. Причем свою лепту вносили как центральная власть, так и штаты. Расходы последних возросли в 3–6 раз⁷, федеральные расходы — в 20 раз (с 67 до 1297 млн долл.)⁸. В армию Севера за 4 года было призвано более 2 млн человек⁹.

⁵ The Virginia Plan (The Urge State Plan, Randolph Plan) [Electronic resource]. Available at: <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=7&page=transcript>; The New-Jersey Plan (The Small State Plan, Paterson Plan) [Electronic resource]. Available at: URL: http://www.usconstitution.net/plan_nj.html.

⁶ Саломатин А.Ю. Модернизационный проект для США: конвент в Филадельфии и сборник «Федералист» об оптимальном конституционном устройстве // История государства и права. 2010. № 15.

⁷ Keller M. Affairs of State. Public Life in Late 19th Century America. Cambridge. L., 1977. P. 110.

⁸ Studenski P., Kross H.E. Financial History of the US. N.Y., 1952. P. 152.

⁹ Гауровиц И. Военно-санитарные учреждения Североамериканских Соединенных Штатов во время последней войны с описанием страны и населения. СПб., 1868. С. 19.

Рисунок.

Всю эту массу людей следовало вооружить, обмундировать, накормить, разместить и перемещать по линии фронта, что потребовало от властей беспрецедентных организационных усилий.

Однако и после окончания войны прежде неспешный ритм довоенной жизни ушел в прошлое. **Создание единого гигантского внутреннего рынка**, которому теперь не угрожал ни сам институт рабства, ни его возможная экспансия на западные земли, **резко ускорило развитие страны**. США превратились в индустриально-аграрную державу, и монополии заняли исключительное место в жизни страны¹⁰.

В связи с растущими потребностями общества в управлении кардинально увеличивается федеральный государственный аппарат (с 5 тыс. в 1816 г. до 155 тыс. в 1890 г.)¹¹ и федеральные бюджетные расходы. При этом расходы федерального правительства примерно в 3 раза превышают совокупные

расходы штатов¹². После принятия Закона о межштатной торговле (1887 г.) и Антимонопольного закона Шермана (1890 г.) возникает на постоянной основе институт государственного регулирования экономики. Этот институт пока слаб: государство с неохотой вмешивается в дела монополий¹³, но мощное давление общественного мнения заставляет его делать это более решительно в начале XX в.

В беспрецедентной степени этатизм развивается в период «Нового курса». Практически сразу после прихода к власти **Ф.Д. Рузвельта** в мае 1933 г. была создана **Федеральная администрация чрезвычайной помощи (FERA)**, которая должна была предоставлять гранты и займы штатам для создания неквалифицированных рабочих мест. До декабря 1935 г. денежная помощь была предоставлена в размере 3,1 млрд долл. и работу получили более 20 млн человек. Дополнительно зимой 1933-1934 гг. еще действовала **Админи-**

¹⁰ См.: Саломатин А.Ю. Рождение индустриальной экономики в США // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 105-114.

¹¹ Weisberger B.A. What Made the Government Grow // American Heritage. September 1997. P. 44.

¹² Holt C.F. The Role of State Governments in the 19th Century American Economy, 1820-1902: A Quantities Study. N.Y., 1977. P. 22.

¹³ Жидков О.А. Антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976. С. 76.

страция гражданских работ (CWA) с объемом финансирования в 400 млн долл., призванная дать кратковременную работу¹⁴. Еще одна правительственная организация, созданная в июне 1933 г., — **Администрация общественных работ (PWA)** была призвана потратить 3,3 млрд долл. в первый год (а всего 6 млрд долл.), притом что ВВП США составлял 6 млрд долл. В период с июля 1933 г. по март 1939 г. она финансировала и занималась администрированием строительства 34000 проектов по всей стране — аэропортов, дамб, мостов, школ, больниц, шоссе¹⁵.

Наконец, чрезвычайный федеральный орган — **Управление реализацией общественных работ (WPA)** занимался сооружением более мелких объектов, но действовал не через частных подрядчиков, а непосредственно сам нанимал рабочую силу. Благодаря ему почти в каждой местности появился новый парк, мост или школа. На пике своей деятельности, в 1938 г., он предоставил работу трем миллионам человек, а в течение 1935–1943 гг. им было трудоустроено 8,5 млн человек. Правительственная организация действовала в кооперации со штатами, которые обеспечивали 10–30% от стоимости конкретного объекта, — как правило, они предоставляли землю, транспорт, материалы¹⁶.

«Эпоха федерализма закончилась», — заявил накануне Второй мировой войны профессор Г. Ласки¹⁷. Он и его коллеги-либералы по итогам «Нового курса» были уверены, что в условиях индустриализации социальное и экономическое планирование неизбежны, а они требуют более централизованного контроля.

Однако после окончания Второй мировой войны выяснилось, что закончилась не эпоха федерализма, а его традиционное толкование. **Э.С. Корвин провозгласил в 1950 г., что доктрина дуалистического федерализма мертва**¹⁸.

¹⁴ [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Federal> (дата обращения: 07.04.2016).

¹⁵ [Electronic resource]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Public_Works_Administration (дата обращения: 12.04.2016).

¹⁶ [Electronic resource]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Works_Progress_Administration (дата обращения: 12.04.2016).

¹⁷ Laski H. The Obsolescence of Federalism // *New Republic*. 1939. Vol. 98. № 367.

¹⁸ Corwin E.S. The Passing of Dual Federalism // *Virginia Law Review*. 1950. Vol. 36.

После Великой депрессии, а также исходя из опыта двух мировых войн становится очевидным, что **интенсивное государственное регулирование используется не как чрезвычайная временная мера, а как постоянная политика**. Даже консерваторы-республиканцы при президенте Д. Эйзенхауэре соглашались на осуществление государственных программ. «Рост государственных расходов, дефицитный бюджет, ранее отвергавшиеся республиканцами как бессмысленная трата денег, в 50-е годы прочно, хотя и вынужденно входят в арсенал администрации Д. Эйзенхауэра»¹⁹.

Ситуация еще более разительно изменилась в 1960-е гг. с приходом к власти демократов — при Дж. Кеннеди и Л.Б. Джонсоне. **Программа «Великого общества»**, заявленная в мае 1964 г., была нацелена на повышение доступности образования, здравоохранения, транспорта, борьбу с бедностью, защиту потребителей и окружающей среды. Значительные средства были переданы штатам и местным общинам, а в расходах федерального бюджета, выросших за 60–70-е гг. XX века с 92 до 196 млрд долл., большой удельный вес составляли социальные статьи. В этой ситуации «правительства штатов и местные правительства воспринимаются как административные инструменты национального правительства»²⁰.

Однако подобный подход имел свои недостатки — это прежде всего бюрократизация и снижение эффективности управления. Наиболее чутко это уловили лидеры Республиканской партии. **Р. Никсоном** в рамках его обновленной административной политики по снижению влияния вашигтонской бюрократии был провозглашен лозунг **«нового федерализма»**²¹. Этот лозунг был конкретизирован в 80-е гг. XX века **Р. Рейганом**, который безуспешно попытался упразднить федеральное Министерство образования и передать функции общего контроля над образовательной деятельностью штатам²².

¹⁹ Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М., 1984. С. 46–47.

²⁰ Dye T.R. *American Federalism. Competition Among Governments*. Lexington, 1990. P. 7.

²¹ Саломатин А.Ю. Президентская власть в США и ее представители. М., 2015. С. 163.

²² [Electronic resource]. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/New_federalism (дата обращения: 15.04.2016).

Вскоре, в 90-е гг. XX века, идеи «нового федерализма» оказались растворены в более далеко идущей в своих выводах концепции «конкурентного федерализма». Общий ее посыл — необходима децентрализация. Продвигаются идеи предотвращения властной экспансии центра и независимости каждого уровня власти в источниках доходов²³.

В США школу конкурентного федерализма представляет в первую очередь Дж. Кинкейд, являвшийся в 1988–1994 гг. исполнительным директором Консультативного комитета конгресса США по межправительственным отношениям²⁴. Однако в реальности эти идеи с трудом реализуются. Республиканская партия, которая при Р. Рейгане и Дж. Буше — старшем в 80-е гг. XX века выражала предпочтение деволюции и правам штатов, при **Дж. Буше — младшем** (2001–2009) по большей части игнорировала эту тему и отдала предпочтение политике централизации перед лицом политических и электоральных вызовов²⁵.

При президенте-демократе **Б. Обаме** (2009–2017) на фоне резкого обострения межпартийной борьбы специалисты заговорили о «фрагментационном федерализме»²⁶. Штаты и муниципалитеты все больше проводят свою собственную, отличную от центра политику, в том числе и в таких сферах федеральной ответственности, как иммиграция и образование. Добавим сюда весьма противоречивую, вызывающую раскол в стране (примерно 50/50 процентов) реформу медицинского страхования²⁷. Власти 26 штатов признали нацивание Обамы неконституционным. В деле *Florida et al v. Department of Health and Human Service* высшим судебным органом в разгар президентской кампании 2012 г. бы-

ло принято решение в пользу президентской администрации, но, видимо, лишь только потому, чтобы не антагонизировать электорат Обамы. В стране налицо **социально-культурный раскол** (в том числе и в результате увеличения численности испаноязычного населения, активизации различных меньшинств, которые подрывают позиции традиционного, консервативного «белого большинства»). И это обстоятельство, несомненно, и дальше будет дестабилизировать американский федерализм.

Литература

1. Бурджалов Ф. Как в США принимали закон о здравоохранении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 1. С. 44.
2. Гауровиц И. Военно-санитарные учреждения Североамериканских Соединенных Штатов во время последней войны с описанием страны и населения. СПб., 1868. С. 19.
3. Жидков О.А. Антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976. С. 76.
4. Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М., 1984. С. 46–47.
5. Саломатин А.Ю. Президентская власть в США и ее представители. М., 2015. С. 163.
6. Саломатин А.Ю. Рождение индустриальной экономики в США // *Вопросы истории*. 1998. № 3. С. 204–105.
7. Саломатин А.Ю. Модернизационный проект для США: конвент в Филадельфии и сборник «Федералист» об оптимальном конституционном устройстве // *История государства и права*. 2010. № 15.
8. Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., 2013. С. 137, 139.
9. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 1994. С. 34–35.
10. Atack J., Passel P. A New Economic View of American History from Colonial Times to 1940. N.Y.; L., 1994. P. 7.
11. Bowling C.J., Pickerill J.M. Fragmented Federalism: The State of American Federalism 2012–13 // *The Journal of Federalism*. June 12. 2013.
12. Collier C., Collier J.L. Decision in Philadelphia. The Constitutional Convention of 1787. N.Y., 1986. P. 4.
13. Corwin E.S. The Passing of Dual Federalism // *Virginia Law Review*. 1950. Vol. 36.
14. Dye T.R. American Federalism. Competition Among Governments. Lexington, 1990. P. 7.
15. Holt C.F. The Role of State Governments in the 19th Century American Economy, 1820–1902: A Quantities Study. N.Y., 1977. P. 22.
16. Kasper W. High on the reform agenda: Competitive Federalism // *Policy*. Spring 1994. P. 10–14.
17. Keller M. Affairs of State. Public Life in Late 19th Century America. Cambridge. L., 1977. P. 110.

²³ Kasper W. High on the reform agenda: Competitive Federalism // *Policy*. Spring 1994. P. 10–14.

²⁴ Kincaid J. From cooperative to coercive federalism // *Annals of the American Academie of Political and Social Sciences*. 1990. No. 509. P. 139–152; Kincaid J. The State of federalism 2000–2001: Continuity in crisis // *The Journal of Federalism*. 2001. Vol. 31. № 3. P. 1–70.

²⁵ Milkis S.M., Rhodes J.H., George W. Bush, the Party System and American federalism // *The Journal of Federalism*. 2007. Vol. 37. No. 3. P. 478–503.

²⁶ Bowling C.J., Pickerill J.M. Fragmented Federalism: The State of American Federalism 2012–13 // *The Journal of Federalism*. June 12. 2013.

²⁷ Бурджалов Ф. Как в США принимали закон о здравоохранении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2011. № 1. С. 44.

18. Kincaid J. From cooperative to coercive federalism // *Annals of the American Academie of Political and Social Sciences*. 1990. No. 509. P. 139–152.
19. Kincaid J. The State of federalism 2000–2001: Continuity in crisis // *The Journal of Federalism*. 2001. Vol. 31. No. 3. P. 1–70.
20. Laski H. The Obsolescence of Federalism // *New Republic*. 1939. Vol. 98. No. 367.
21. Milkis S.M., Rhodes J.H. George W. Bush, the Party System and American federalism // *The Journal of Federalism*. 2007. Vol. 37. No. 3. P. 478–503.
22. Studenski P., Kross H.E. *Financial History of the US*. N.Y., 1952. P. 152.
23. Weisberger B.A. What Made the Government Grow // *American Heritage* September. 1997. P. 44.

Традиционные религиозные предпосылки интерпретационного подхода к юридической терминологии в России

*Салтыков Константин Геннадьевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
terminpravo@mail.ru*

Статья посвящена анализу традиционных религиозных предпосылок интерпретационного отношения к юридической терминологии в России. Взаимосвязь и взаимодействие систем государственного и церковного права традиционно обеспечивали твердую идеологическую и нравственную основу Российского государства и общества. Влияние церкви на все области права и русского юридического быта неизмеримо обширно. Слово в христианском учении есть феномен, оценка которого позволяет дать аттестацию, близкую по оттенкам смысла к юридической. При переходе от светской правовой к духовной оценке общественных отношений происходит расширение границ интерпретации терминологии, обозначающей социально значимые категории.

Ключевые слова: юридический термин, интерпретация, термин, государство, церковное право, христианство.

Traditional Religious Prerequisites of Interpretation Approach to Legal Terminology in Russia

*Saltykov Konstantin G.,
Assistant Professor of the Department of Civil Legal Disciplines
of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to the analysis of the religious presuppositions of the interpretation of legal terminology in Russia. The relationship and interaction systems of state and ecclesiastical law provided a solid ideological and moral basis of the Russian state and society. The influence of the church on all areas of the law and the Russian legal life is immeasurably vast. The word in the Christian doctrine is the phenomenon which allows to give a certification similar in shades of meaning to legal. In the transition from secular legal to spiritual evaluation public relations is the expansion of the boundaries of interpretation of terminology denoting socially significant categories.

Key words: a legal term, interpretation, term, state, ecclesiastical law, Christianity.

Низкая эффективность европейской политики толерантности и мультикультурализма становится причиной повышенного

интереса к религии, выступающей в качестве социального регулятора, обеспечивающего преемственность современной эпо-

хи. Отказавшись от традиционных духовных ценностей, Старый свет, выросший из христианства¹, обрел себя на кризис нравственного развития и был вынужден столкнуться с необходимостью переосмысления роли религиозной идеологии в жизненных ориентирах общества.

На фоне обострения политической и экономической ситуации взаимодействие политических институтов и религиозных организаций имеет различные формы и направлено на поиск духовных начал, духовного обоснования происходящего. По этому поводу Президент России В.В. Путин, выступая 1 февраля 2013 года на Архиерейском соборе Русской православной церкви, отметил: «Сохраняя, безусловно, светский характер нашего государства, не допуская его государственности церковной жизни, мы должны уйти от вульгарного примитивного понимания светскости»².

Вера в Бога, оказывая влияние на совесть если не всех, то значительнейшей части граждан, способствует достижению нравственных целей человеческого общежития. Это объясняется тем, что традиционные для России религии и, в частности, христианство воспринимались государством в качестве социального регулятора, способствующего достижению целей, к которым стремится и сама государственная власть. Не случайно при составлении Тяньцзиньского трактата 1858 года по инициативе представителей Российского государства было отмечено, что «христианское учение способствует водворению порядка и согласия между людьми»³.

Безусловно, в ряде регионов России, с компактным проживанием тюркоязычных и кавказских народов, традиционное религиозное формирование интерпретационных подходов к юридическим нормам и входящим в их состав терминам происходило

в рамках иной религии — ислама. Вместе с этим, до недавнего времени носителями русского языка выступали в основном люди с христианским мировоззрением, из-за чего мусульманская лексика не была освоена в достаточной степени.

Взятые из арабского языка исламские термины, имеют, как правило, более широкое значение и глубину понимания, чем их близкие к смыслу священного текста переводы на другие языки. Это не означает, что проблема религиозных предпосылок формирования интерпретационного отношения к терминологии права не актуальна для магометанской культуры. Например, обязанность совершать намаз и приносить жертву связывается в исламе с дарованным мусульманину благом (Коран 108, 1). При этом арабское слово «аль-Каусар» может не только интерпретироваться как «благо», но и означать «изобилие», «изобилие добра», «добро в изобилии», «мудрость»⁴, что придает причинам исполнения религиозных обязанностей различные оттенки смысла. Этим объясняется использование русской транскрипции вместо прямого перевода, что вызывает необходимость проведения специальных религиоведческих и филологических исследований, имеющих отличные от лингвоюридических проблематику и цели.

В нашей стране религия традиционно вызывала положительный интерес населения, а государство активно содействовало удовлетворению духовных потребностей народа⁵, что было свойственно в том числе и отмеченному печатью воинствующего атеизма советскому периоду отечественной истории. Наряду с трагическими эпизодами взаимоотношений государства и церкви в указанное время можно вспомнить Декларацию митрополита Сергия от 29 июля 1927 года, где говорилось об отношении православных христиан к Советскому Союзу как к своей гражданской родине, и послание Местоблюстителя Патриаршего Престола «Пастырям и пасомым», содержащее благословение предстоящего всенародного подвига по защите Отечества в годы Великой Отечественной войны. Со своей

¹ Кондрусевич Т.И. «Quo vadis, Европа?» Христианские ценности в контексте европейской интеграции // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. Минск, 2008. Т. 2. С. 140.

² Путин В.В. Нельзя примитивно трактовать понятие светского государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top.rbc.ru/politics/01/02/2013/843320.shtml?print> (дата обращения: 15.03.2016).

³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.

⁴ Коран Священный: двуязычное издание (перераб.). США — Лахор Инк: Ахмадия Анжуман Ишаат Ислам, 1997.

⁵ Чичерин Б.Н. Общее государственное право (под ред. и с предисл. В.А. Томсинова). М.: Зерцало, 2006.

сторону государство с пониманием относилось к озвученной в 1943 году необходимости проведения Собора епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси⁶.

Становление и развитие человеческой власти в рамках библейской традиции в России носило двойственный характер и основывалось на том, что для Иисуса Христа царство земное было делом греховным и низшим в иерархии человеческих ценностей. Поэтому «он отверг царство, ибо говорит Господь в Евангелии, что высокое для людей — мерзость для Бога»⁷. Применительно к православию С.Н. Булгаков отмечал, что «не существует никакой внутренней и нерушимой связи между православием и тем или иным политическим строем, а потому православные могут иметь разные политические взгляды и симпатии»⁸. Та же мысль у Н.А. Бердяева сформулирована следующим образом: «теократия во всех своих формах, восточных и западных, была изменой христианству, изменой и ложью. И теократии были обречены на гибель. То, что они осуществляли, было противоположно царству Божьему, царству свободы и любви»⁹.

В отечественной истории (особенно после петровских реформ) нередко наблюдалось доминирование государства над церковью, которая была лишена возможности «самостоятельно решать такие важные вопросы, как избрание архиереев, назначение настоятелей и настоятельниц монастырей, назначение ректоров и иного руководства в духовные школы, не говоря уже о полной невозможности для Церкви давать оценку тому, что происходило в стране, в обществе, призывать людей в том числе к преодолению внутренних средостений, о чем в то время особенно много говорили, классовых противоречий»¹⁰. И это при том, что с

XVI по XVII век был накоплен уникальный опыт обсуждения в рамках деятельности церковных соборов разнообразных вопросов «от судеб земельной собственности до основ иконописания, подробностей богослужения, развития школьного образования»¹¹. При этом решения поместных соборов Русской православной церкви в XVI–XVII вв. «оказывали влияние на последующее церковное законодательство и на действующее право»¹². Таким образом, говоря о православии как исторически наиболее распространенной форме вероисповедания христиан в России, считаем, невозможно отрицать начала общности в русском праве, открывающиеся через деятельность церкви. Влияние церкви на все области права и влияние клира на самые различные стороны русского юридического быта неизмеримо обширно. В юридической литературе можно встретить мнения, согласно которым различные правовоззрения, их исключительность, суровость форм осуществления права постоянно уступали действию христианской проповеди¹³.

Среди древних памятников церковного права можно выделить церковные уставы (Устав князя Владимира, Церковный устав князя Ярослава, Уставная грамота Церкви Иоанна на Опоках), кормчие книги, духовный регламент Петра I, постановления и распоряжения Священного синода¹⁴, которые составляли основу деятельности Русской Православной Церкви в рамках государственно-церковных правоотношений. Взаимосвязь и взаимодействие систем государственного и церковного права обеспечивали твердую идеологическую и нравственную основу Российского государства и общества.

⁶ Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время. 1917–1991 // Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995. С. 153, 189, 193.

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 174.

⁸ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991. С. 341.

⁹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С. 262.

¹⁰ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в годовщину избрания святителя Тихона на Патриарший престол после Литургии в Храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2599178.html> (дата обращения: 15.03.2016).

¹¹ Синицына Н.В. Русская церковь в период автокефалии; учреждение патриаршества // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 71; Знаменский П.В. История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 340.

¹² Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. СПб., 1914. С. 14.

¹³ Дювернуа Н.А. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице. М.: Зерцало, 2004.

¹⁴ Российская юридическая энциклопедия. М.: Инфра-М, 1999. С. 1086.

Анализируя особенности возникновения и развития правоинтерпретационной традиции в России, полагаем, прежде всего следует обратить внимание на то, что формирование личности потенциального интерпретатора правовых норм и юридических терминов традиционно проходило под влиянием богословского компонента российской системы образования. Церковь была призвана «учить и воспитывать детей в духе православной веры и нравственности» уже на этапе начальной школы, что соответствовало «как государственным, так и церковным задачам»¹⁵.

Влияние через образовательный процесс на субъективный взгляд участников право творчества и правоприменения было лишь частным проявлением воздействия христианизации культуры, формирования ее самобытной православной устремленности, яркой выраженности ее духовно-нравственного компонента.

Анализируя традиционные религиозные предпосылки интерпретационного отношения к специальной терминологии права в России, обратимся к отдельным положениям наставления в православной вере христианской, написанного митрополитом Филаретом (Дроздовым), одним из самых ярких представителей богословской науки XIX века. Цитаты Священного Писания в упомянутом произведении приводятся на церковно-славянском языке, что позволяет отчетливее видеть красочность использования слов. Понимание моральных императивов, определяющих поведение людей, у православных основано на имеющем евангельскую основу отношении к значению сказанного или написанного. Христианину рекомендуется иметь образ «здравых словес» (2 Тим. 1, 13). Слово выступает как выражение связи между Богом и Церковью и как инструмент спасения: «Христос возлюбил Церковь и Себя предаде за ню, да осветит ю, очистив банею водною в глаголе» (Еф. 5, 25–27), то есть посредством слова.

Лексика священных текстов имеет классификацию в рамках православной тра-

диции. Так, апостол Павел пишет: «Тем же убо, братие, стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим» (2 Фес. 2, 15), разделяя речь пастыря на устную (слово) и письменную (послание)¹⁶.

Помимо этого, слово в христианском учении есть феномен, оценка которого позволяет дать его автору аттестацию, весьма близкую по оттенкам смысла к юридической. В Евангелии от Матфея говорится, что «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Матф. 12, 36–37)¹⁷. Несмотря на то что речь идет о суде Божественном, наличие лексических единиц «оправдание», «осуждение», «суд», наполняющих данную фразу и подобных ей, приводит к тому, что в сознании русского человека общеизвестные заповеди «не убий», «не укради» и другие воспринимаются как требование морального, религиозного и правового характера одновременно, а национальная правовая культура немислима без того вклада, который внесли в нее священные тексты.

Условия формирования традиционных религиозных предпосылок интерпретационного отношения к поиску оттенков смысла слова у юриста могут быть представлены также следующим образом. Часто (ежедневно) сталкиваясь с текстом молитвы, христиане пользуются лексикой, имеющей как религиозное, так и юридическое применение. При этом святитель Иоанн Златоуст, говоря о молитве, призывает обдумывать слова, ее составляющие: «да бодрствует ваш ум, ваша душа да внимает словам»¹⁸. И, что особенно важно, подобные слова имеют сходную и одновременно различную интерпретацию в религиозной и юридической традициях, частично совпадающую по объему смысла. Подтверждение этому можно обнаружить, например, если обратиться к «Краткому словарю церковнославянских слов, встречающихся в молитвослове для мирян». В указанном издании, помимо лексики, находящей преимущественно церков-

¹⁵ Определение Св. Синода от 11 марта 1910 г. за № 1871 по поводу законопроекта о начальном образовании, выработанного Комиссией по народному образованию при Государственной Думе...// Узаконения и распоряжения правительства и высшего церковно-школьного управления по делам церковных школ. 1910. Вып. 9. С. 12–36, 15.

¹⁶ Православный катехизис. Часть I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. С. 4, 9, 56–57.

¹⁷ Евангелие. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 2013. С. 78.

¹⁸ Земное и вечное / сост. по творениям свт. Иоанна Златоуста. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2011. С. 169.

ное употребление, представлены слова, также являющиеся известными юридическими терминами. Так, термин «вина» понимается в его привычном для юриста значении «виновность». Однако религиозная интерпретация данной лексемы предполагает и противоположное значение — «оправдание» (Пс. 140, 4). Поиск семантики глагола «судити», в контексте содержания псалмов, приводит составителей словаря также к противоположным значениям «вынести приговор, судить» (Пс. 81, 2) и «защитить» (Пс. 53, 3) и так далее¹⁹. Это свидетельствует о расширении границ интерпретации терминологии, обозначающей социально значимые категории, при переходе от светской правовой к духовной оценке общественных отношений. На такое изменение интерпретационной проекции, используя юридический пример прекращения брачно-семейных отношений, указал один из оптинских старцев преподобный Антоний: «Расторгнуть же брачный союз по легкомыслию и неопытности своей хотя и не трудно в нынешние мудрые времена, но каково будет отвечать на Страшном Суде Божиим»²⁰?

Еще одним примером интерпретационного восприятия значения слова в православии, ставшего своеобразным предикатом семантического поиска в отношении терминологии в отечественной юридической науке, является толкование широко известной номинации «дерево познания добра и зла», предложенное Иоанном Златоустом. «Почему, говорят, дерево названо деревом познания добра и зла? Это дерево не породило природу добра и зла, а только проявило расположение человека; и называлось оно таким именем не потому, что добро или зло было связано с его природой, а потому, что послужило их обнаружению»²¹.

В настоящее время в основах духовной традиции Русской православной церкви по-прежнему постулируется положение о невозможности реализации свободы, таланта, любых открывающихся человеку возможностей в отсутствие света богоданных нрав-

ственных идеалов²². Церковные соборы, священноначалие и уполномоченные ими лица продолжают, как и ранее, публично выражать позиции по общественно значимым вопросам²³.

Вместе с этим необходимо заметить, что краткий анализ влияния православной культуры на развитие юриспруденции в России, а также обзор отдельных трудов известных религиозных деятелей не могут дать полного впечатления о традиционных религиозных предпосылках интерпретационного отношения к юридической терминологии в России, однако могут быть восприняты как начальный этап постановки соответствующей научной проблемы в целях дальнейшего изучения для формирования конкретного знания, выраженного системой понятий и умозаключений, определенным образом субординированных в научной теории.

Литература

1. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси // Инф. бюл. 2001. Апрель.
2. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995.
3. Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М., 1991.
4. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице. М.: Зерцало, 2004.
5. Евангелие. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 2013.
6. Земное и вечное. Составлено по творениям свт. Иоанна Златоуста. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2011.
7. Знаменский П.В. История Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996.
8. Кондрусевич Т.И. "Quo vadis, Europa?" Христианские ценности в контексте европейской интеграции // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. Минск, 2008. Т. 2.
9. Коран Священный: двуязычное издание (перераб.). США — Лахор Инк: Ахмадийя Анжуман Ишаат Ислам, 1997.
10. Краткий словарь церковнославянских слов, встречающихся в молитвослове для мирян. Новосибирск: ПолиграфИздат, 2013.
11. Определение Св. Синода от 11 марта 1910 г. за № 1871 по поводу законопроекта о начальном образовании, выработанного Комиссией по народному образованию при Государственной Думе // Узаконения и распоряжения правитель-
22. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси // Информационный бюллетень. 2001. Апрель. С. 5.
23. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Отдел внешних церковных связей Моск. Патриархата, 2008. С. 84.

¹⁹ Краткий словарь церковнославянских слов, встречающихся в молитвослове для мирян. Новосибирск: ПолиграфИздат, 2013. С. 9–10, 64.

²⁰ Оптинский цветник. Изречения преподобных старцев Оптинских. М.: Спасское братство, 2011. С. 152.

²¹ Земное и вечное / сост. по творениям свт. Иоанна Златоуста. С. 75–76.

- ства и высшего церковно-школьного управления по делам церковных школ. 1910. Вып. 9.
12. Оптинский цветник. Изречения преподобных старцев Оптинских. М.: Спасское братство, 2011.
 13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Отдел внешних церковных связей Моск. Патриархата, 2008.
 14. Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. СПб., 1914.
 15. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993.
 16. Православный катехизис. Часть I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011.
 17. Путин В.В. Нельзя примитивно трактовать понятие светского государства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top.rbc.ru/politics/01/02/2013/843320.shtml?print> (дата обращения: 15.03.2016).
 18. Российская юридическая энциклопедия. М.: Инфра-М, 1999.
 19. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.
 20. Сеницына Н.В. Русская церковь в период автокефалии; учреждение патриаршества // Православная энциклопедия. Русская православная церковь. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.
 21. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в годовщину избрания святителя Тихона на Патриарший престол после Литургии в Храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2599178.html> (дата обращения: 15.03.16).
 22. Цыпин В.А. Церковное право: учебное пособие. М., 1996.
 23. Чичерин Б.Н. Общее государственное право (под ред. и с предисл. В.А. Томсинова). М.: Зерцало, 2006.
 24. Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время. 1917–1991 // Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. М., 1995.

Реформы центральных и местных финансово-податных органов в правление Петра I

*Петров Юрий Иванович,
доцент кафедры «Таможенное право и организация
таможенного дела» Юридического института
Московского государственного университета путей сообщения
Императора Николая II (МИИТ),
кандидат исторических наук
petrov52@ro.ru*

В статье рассматриваются преобразования в системе центральных и местных финансово-податных органов управления в первой четверти XVIII столетия. Показана попытка Петра I опереться на выборных от населения в фискальной деятельности государства. Рассматриваются конкретные замыслы преобразователя и их практическое воплощение. Дается анализ деятельности органов финансово-податного контроля. Называются основные причины неудач в создании как центральных, так и в особенности местных органов податного контроля.

Ключевые слова: история, реформа, налогообложение, Петр I, подушная подать, податные органы, местные органы, подать, налог, коллегии.

Reforms of Central and Local Financial Tax Authorities under the Ruling of Peter I

*Petrov Yuriy I,
Assistant Professor of the Department of Customs Law and Customs Organization
of the Law Institute of the Moscow State University of Railway Engineering (MSURE (MIIT)),
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article deals with transformations in the system of central and local financial tax government authorities in the first quarter of XVIII century. It shows Peter I's attempt to rely on delegates from population in the fiscal activity of the state. Considered are concrete concepts of the reformer and their practical implementation. Given is the analysis of the activity of the financial tax control authorities. Identified are the main reasons of failures in creation of both central and, particularly, local tax control authorities.

Key words: history, reform, taxation, Peter I, capitation tax, tax authorities, local authorities, tax, duty, colleges.

Преобразования Петра I в финансовой сфере явились важнейшей стороной его царствования. Своеобразное сплетение исторических условий в этот период привело к тому, что рост потребностей государства почти сразу же стал опережать развитие производительных сил, которые их обеспечивали. Государственное строительство велось форсированным ходом. Правительственные замыслы превышали имеющиеся ресурсы. Поэтому требовалось решение насущных финансовых проблем, глубокая реорганизация системы сбора налогов. В этой ситуации Петр прибег к неоправданно жесткой фискальной политике. Для этого были произведены значительные изменения в организации финансового управления государства. Эти преобразования коснулись как центральных, так и местных учреждений финансового сектора. И на русский народ, который уже достаточно был придавлен разными тяготами, стали давить еще больше. Все становилось предметом налогообложения — бороды, улья, гербовая бумага и даже гробы! Особенно изменилась система налогообложения, когда произошло возвращение к практике, называемой Руси в XIII столетии монголами, — практике взимания подушной подати, которой никто не мог избежать. С горечью говорил Д.А. Толстой о введении подушной подати, нанесшей, по его мнению, серьезный урон практике налогообложения. В своем исследовании он пишет: «Таким образом, положен был конец развитию этой подати (посошной.— Ю.И.), развитию, обещавшему столь великую пользу для государственного благосостояния, и вместо нее заступила варяжская дань под новым названием. Опыты веков в этом отношении были потеряны; последующим Государям оставлено в удел воссоздание того, что уже существовало, но мгновенно уничтожено, и кадастрация, которая лежала в основании посошной подати, при всех трудах и усилиях, не может еще быть введена в России и в настоящее время»¹.

Характерными особенностями преобразований Петра были: масштабность, бессистемность, отсутствие какого-либо плана и представления о необходимой по-

следовательности действий. Многие решения принимались им под влиянием момента, конкретных обстоятельств². Э.Н. Берендтс отмечал, что «один порядок управления еще не исчерпал своего содержания, а надвигается уже другой, и так как в государственной жизни едва ли все, что признано отсталым и ненужным, упраздняется бесследно, без остатка, то новые системы зачастую состоят их сохранившихся кусочков старого, неплотно слитого с нововведениями, и только внешним образом с ними связанного»³.

30 января 1699 г. Петром было подписано несколько указов, положивших начало реформе управления в городах. По желанию горожан создавались выборные органы — земские избы во главе с Бурмистерской палатой в Москве. Купечество, ремесленники и мелкие торговцы получили право выбирать бурмистров из своей среды. В официальных актах замена воевод выборной властью была представлена как «милость и презрение» царя к подданным, считалось, что это будет способствовать освобождению их от воеводских налогов, поборов и взяток, как при введении земского самоуправления царем Иваном Грозным⁴.

Но чтобы и государство быстрее получило от этого выгоду, города, жители которых избирали себе подобную форму самоуправления, облагались двойной податью. Указ предлагал им платить налоги в двойном размере. И, таким образом, освобождение от воеводских «обид и налогов и поборов и взяток» население должно было выкупить, подобно тому, как особым государственным оброком откупались от кормленщиков при введении земских учреждений в правление царя Ивана Грозного. По этому поводу В.О. Ключевский заметил, что «в полтора века правительство не сделало ни шага вперед в административной изобретательности»⁵.

² См.: Каменский А.Б. От Петра до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа), М., 2001. С. 106.

³ Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (записка составлена в дек. 1903 г.). М., 2002. С. 44–45.

⁴ См.: Уланов В.Я. Преобразование управления при Петре Великом // Три века. Т. 3: XVIII век. Первая половина. М., 1992. С. 245.

⁵ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989. С. 137–138.

¹ Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 23.

Учреждение Бурмистерской палаты, которая вскоре была переименована в Ратушу, стало подкопом под основы существования традиционной системы финансовых приказов. В совокупности в Бурмистерскую палату отошли финансовые функции 13 приказов⁶. Ратуша превратилась в центральную государственную кассу, куда стекалось около половины всех государственных доходов. Эти доходы включали в себя основные прямые налоги, собираемые с городов, таможенные пошлины и кабацкие платежи. Ратуша стала одним из главных звеньев финансового управления, потеснив Приказ Большой казны.

Но доходы Ратуши быстро поглощались войной со шведами. Вновь созданные или же несколько преобразованные приказы, получившие новое значение, — Военный, Адмиралтейский, Военный морской, Преображенский — своей расходной частью ложились на кассу Ратуши. Только Военному и Преображенскому приказам по окладу 1703–1706 гг. Ратуша должна была выдавать от 698 до 998 тыс. руб. Скоро ее ежегодные расходы стали превышать сумму поступлений в кассу. А.А. Курбатов в 1709 г. жаловался Петру на невозможность Ратуши поступающими налогами и платежами и взыскиваемыми недоимками прошлых лет покрывать все возрастающие расходы. Не рассчитывая более на Ратушу, Петр I стал искать новые источники доходов, создавая для их организации и новые ведомства⁷.

Вскоре таким ведомством, аккумулировавшим значительные поступления, стала Семеновская (Ижорская) канцелярия, новый центральный орган, расположившийся в дворцовом селе Семеновском на восточной окраине Москвы. Руководить ее деятельностью было поручено А.Д. Меншикову. Будучи губернатором Санкт-Петербурга, он управлял еще и отвоеванной у шведов местностью по течению реки Невы, именуемой Ижорской землей, или Ингерманландией. Отсюда и пошло название канцелярии: Ижорская, Ингерманландская и Санкт-Петербургская⁸. Ижорской канцелярии было поручено пере-

смотреть доходность государственных угодий, увеличить количество поступавших с них оброков. Поскольку ранее поступление оброков распределялось между некоторыми старыми приказами, то в результате сосредоточения их в этой канцелярии наносился еще один удар по старым приказам, терявшим вместе с доходами и всякий жизненный смысл.

Но денег на военные расходы по-прежнему не хватало. Ратуша из центрального органа финансового управления стала высшей инстанцией городского управления только для Московской губернии, земские избы стали подчиняться губернаторам. Вскоре, в 1711 г., была ликвидирована и Семеновская канцелярия.

Губернской реформой 1708–1710 гг. система городского управления была разрушена. Поспешно создаваемые учреждения не могли заложить прочного основания для финансовой стабилизации. Дефицит бюджета постоянно возрастал, в смете на 1710 г. он составил полмиллиона рублей. Очередная попытка решения финансовых проблем была осуществлена путем возложения на областные районы удовлетворения насущных потребностей государства, минуя центральные учреждения⁹.

С децентрализацией сбора налогов между центральной и местной администрацией образовался вакуум. Если прежде, при традиционной деятельности приказов, Боярская консилия являлась высшей инстанцией центрального правления, то губернская реформа, уничтожив московское «единообразное правление» и передав власть восьми областным начальникам, ничего не сделала для согласования новой областной и старой центральной администраций¹⁰.

В феврале 1711 г. Петр I издал указ об учреждении Правительствующего сената как высшего органа по делам законодательства, управления и суда. Созданный для управления страной как временный орган «для отлучек наших» Сенат вскоре превратился в постоянно действующее высшее правительственное учреждение с обширной компетенцией¹¹. Он решал массу текущих вопро-

⁶ См.: Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — нач. XX в.). М., 2007. С. 106–107.

⁷ См.: Уланов В.Я. Преобразование управления при Петре Великом // Там же. С. 245.

⁸ См.: Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 80–81.

⁹ См.: Уланов В.Я. Преобразование управления при Петре Великом // Там же. С. 246.

¹⁰ См.: Алексеева Е.В. Указ. соч. С. 109.

¹¹ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 71.

сов, среди которых большое место занимали проблемы сбора податей и отсылки собранных средств по назначению. Сюда же поступали сообщения губернаторов о сборе налогов, ведомости о доходах и расходах. В результате Сенат оказался, по существу, центральным финансовым ведомством, осуществлявшим эти функции наряду с другими¹².

Однако неудовлетворительная практика губернского управления с одним центральным органом Сенатом уже с 1715 г. стала занимать мысли Петра, в связи с необходимостью создания центральных учреждений по западным образцам. В 1718 году Петр принимает решение учредить в качестве центральных органов управления коллегии, которые окончательно должны были заменить приказы. Он считал наилучшим именно коллегиальный способ ведения дел и руководствовался при этом опытом таких стран, как Швеция, Дания, Германия, а также опирался на советы своих приближенных — голштинца Августа Фика и шотландца Якова Брюса¹³. В качестве образца Петр I остановился на шведских учреждениях, считавшихся в то время лучшими по своей организации работы. Для заведования государственными доходами, расходами и выполнения контрольных функций были учреждены финансовые коллегии: Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия и Ревизион-коллегия¹⁴.

Центральным финансовым ведомством должна была стать Камер-коллегия. В декабре 1717 г. был утвержден ее штат, назначены президент и вице-президент, но практическую деятельность коллегия начала тремя годами позже, в 1721 г. Коллегия должна была изыскивать новые источники доходов и с разрешения Сената могла вводить новые налоги. Ей вменялось следить за расходной частью бюджета, за распределением налогов. Кроме того, Камер-коллегии поручалась отдача сбора налогов на откуп, предоставление подрядов на поставку в казну провианта и выполнение ряда других дел. В коллегии поступали финансовые отчеты губернаторов и других должностных лиц.

¹² См.: Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006. С. 82–83.

¹³ См.: Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004. С. 29.

¹⁴ См.: Лебедев В.А. Финансовое право. М., 2000. С. 141.

Камер-коллегия должна была формировать ведомость о поступлении всех налогов. На самом же деле Камер-коллегия заведовала главным образом кабацкими и канцелярскими сборами, а также выполняла отдельные поручения¹⁵. Создать в лице Камер-коллегии столь важное финансовое и налоговое ведомство Петр I не успел. В последние годы его правления основное внимание в сфере финансов уделялось введению подушной подати, чем занимались другие учреждения. Судьбой Камер-коллегии должны были заняться преемники Петра I.

Другим центральным финансовым ведомством, учрежденным указами в декабре 1717 г., стала Штатс-контор-коллегия. В ее функции входило заведование государственными расходами, управление рентереями, выделение по указанию Сената определенных сумм правительственным учреждениям и должностным лицам¹⁶.

И еще одной финансовой коллегией, учрежденной в 1717 г., была Ревизион-коллегия. Она стала центральным учреждением, подчиненным Сенату, унаследовав от Ближней канцелярии функции финансового контроля за сбором и расходованием государственных средств. Главной обязанностью Ревизион-коллегии была проверка счетов всех государственных приходов и расходов в деньгах и вещах. Ревизион-коллегия была вправе привлекать к ответственности чиновников ведомств за финансовые преступления, вплоть до судебной. Сама коллегия подчинялась Сенату и государю, а ей по финансовой линии были подотчетны все центральные учреждения и местные органы управления. Они обязаны были в конце каждого года присылать в Ревизион-коллегию выписки из приходно-расходных книг¹⁷.

Однако новые учреждения не создали единого финансового управления. Во-первых, помимо финансовых, им вменялось в обязанности решать и другие задачи. В частности, Камер-коллегия должна бы-

¹⁵ См.: Волков А.В. Камер-коллегия // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 2. М., 1999. С. 167–168.

¹⁶ См.: Ерошкина А.Н. Штатс-контора // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001. С. 435–436.

¹⁷ См.: Мезенцев Е.В. Ревизион-коллегия // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001. С. 21.

ла заниматься ремонтом и строительством дорог, заселением пустующих дворов и земель, развитием земледелия, промыслов и т.д.¹⁸. Во-вторых, сохранялось специализирование сборов. Каждый сбор направлялся на финансирование определенной отрасли управления. По росписи на 1725 г. содержание армии обходилось в 4 404 842 руб. подушных сборов, на расходы флота и гвардии направлялось 1 799 377 руб. всех остальных государственных сборов (питейного, таможенных и пр.) из сорока провинций, на общественные постройки шел соляной сбор в размере 662 118 руб.¹⁹.

При создании коллегий преимущества новых учреждений виделись в коллегиальном принятии решений, в более четкой организации рассмотрения текущих дел ведомствами, в отлаженном делопроизводстве. Однако, как было замечено П.Н. Милюковым, коллегиальность не достигала желаемых результатов даже в Швеции, где ей не удавалось уничтожить личный чиновничий произвол, она только маскировала его должностью президента, который и принимал все решения. Для России коллегиальность была «слишком деликатным экзотическим продуктом и осталась в действительности мертвой буквой»²⁰.

Одновременно с формированием коллежской системы осуществлялась реформа местного управления — вторая губернская реформа (1718–1719 гг.). За основу был также взят шведский образец. Предпринималась попытка перенести на русскую почву трехступенчатое государственное устройство Швеции в форме, в какой оно сложилось к концу XVII в.²¹. Каждая губерния была разделена на ряд провинций, которые стали основным звеном местного управления. В провинциях с 1719 г. стали создаваться специальные финансовые органы, так называемые камерирские конторы, которые были подчинены Камер-коллегии, назначавшей и смещавшей руководителей контор — камериров. Непосредственно камериры под-

чинялись провинциальным канцеляриям, а в городах — центрах губерний — губернским канцеляриям, то есть контроль за деятельностью камериров осуществляли воеводы и губернаторы, с которыми они совместно решали большинство дел²².

В сфере налогообложения полномочия камерирских контор распространялись на организацию сбора прямых и косвенных налогов, сдачу на откуп оброчных статей, установление платежеспособности населения, расследование по делам о нарушениях казенных интересов. В обязанности камерира входило установление, раскладка и взимание податей на основании переписной книги по учету всех угодий, деревень и дворов, которую вели земские комиссары, а подписывал камерир. В компетенцию камерира входило также взимание арендной платы с государственных сельских мельниц. Камерир вел учет всех налогов, заносил их в специальную книгу, присылаемую Камер-коллегией. Ежемесячно и ежеквартально камерир отчитывался перед Камер-коллегией²³. Но, как и в центральных органах, на камерира, помимо названных обязанностей в сфере налогообложения, возлагались и другие дела. Он должен был следить: за состоянием хлебных магазинов; снабжением продовольствием воинских гарнизонов в городах; за подрядами и закупками фуража для армии; ходом рекрутских наборов; осуществлять перепись населения, имений, дворов, земель и угодий, а также выполнять другие поручения²⁴.

В 20-е годы XVIII в. началось формирование системы местных казначейств. В Москве и Петербурге их называли рентереями и они имели статус центральных учреждений. В городах — центрах провинций это были рентмейстерские конторы, местные специальные финансовые органы. Ежемесячно земские комиссары передавали в рентмейстерские конторы собранные средства — прямые, косвенные налоги и пошлины. Конторы осуществляли хранение денежных средств, а также выдачу их по распоряжению воеводы и камерира²⁵.

¹⁸ См.: Записка о Тобольской казенной палате. Новосибирск, 2005. С. 8–9.

¹⁹ См.: Рихтер Д. Финансовое хозяйство России // Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 187–188.

²⁰ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 421.

²¹ См.: Алексеева Е.В. Указ. соч. М., 2007. С. 118.

²² См.: Записка о Тобольской казенной палате. С. 9.

²³ См.: Дьячкова М.П. Камерир // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 5. М., 1996. С. 411.

²⁴ См.: Записка о Тобольской казенной палате. С. 9.

²⁵ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 85.

Рентмейстерские конторы подчинялись Штатс-контор-коллегии, которая назначала и освобождала от должности руководителей контор — рентмейстеров. Рентмейстеры непосредственно подчинялись камерирским конторам, провинциальным канцеляриям, а в городах, которые были центрами губерний, — губернским канцеляриям²⁶.

Выстроенная таким образом система финансово-податных органов в полной мере отвечала идеям создания централизованного и рационально устроенного государственного аппарата. Но для полной реализации этих идей в системе местного финансового управления у Петра I не хватало ни средств, ни времени. Гораздо большее значение имело в этот период осуществление податной реформы, которая завершилась введением подушной подати.

Вместе с тем институционные перемены в области управления финансами, происходившие в первой четверти XVIII в., по мнению Е.В. Алексеевой, можно оценивать не только как петровский «прорыв в современность», но и как первый прецедент проевропейски ориентированной государственной политики²⁷.

Однако преобразования первой четверти XVIII в. не отвечали ни уровню развития русского общества, ни экономическим возможностям страны, ни традициям российской государственности. Главная проблема заключалась в несоответствии историческим условиям механизма взаимодействия центрального и местного управления, выработанного шведской коллежской системой. Непрочность системы управления, возникшей в результате административных реформ первой четверти XVIII в., осознавалась многими современниками, не исключая и самого Петра I.

²⁶ См.: Бабич М.В. Рентереи в Москве и Петербурге // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001. С. 32-34.

²⁷ См.: Алексеева Е.В. Указ. соч. М., 2007. С. 105.

Литература

1. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — нач. XX в.). М., 2007.
2. Бабич М.В. Рентереи в Москве и Петербурге // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001.
3. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации (записка сост. в дек. 1903 г.). М., 2002.
4. Волков Л.В. Камер-коллегия // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 2. М., 1999.
5. Дьячкова М.П. Камерир // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 5. М., 1996.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997.
7. Ерошкина А.Н. Штатс-контора // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001.
8. Записка о Тобольской казенной палате. Новосибирск, 2005.
9. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. История налогов в России. IX — начало XX в. М., 2006.
10. Каменский А.Б. От Петра до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа), М., 2001.
11. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4: Курс русской истории. М., 1989.
12. Лебедев В.А. Финансовое право: учебник. М.: Статут, 2000 (Серия «Золотые страницы российского финансового права»).
13. Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: История и уроки. М., 2004.
14. Мезенцев Е.В. Ревизион-коллегия // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). Кн. 4. М., 2001.
15. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
16. Рихтер Д. Финансовое хозяйство России // Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.
17. Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.
18. Уланов В.Я. Преобразование управления при Петре Великом // Три века. Т. 3: XVIII век. Первая половина. М., 1992.

Деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)

Степанов Михаил Михайлович,
доцент кафедры экономики и права
Таймырского филиала Ленинградского государственного
университета имени А.С. Пушкина,
кандидат юридических наук
merlin@mail.smnet.ru

В статье исследуется деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). Обосновывается важность этой деятельности для стабильности существующей власти. Называются обстоятельства, осложнявшие охрану общественного порядка. Рассматриваются основные направления деятельности советской милиции и милиции антибольшевистских государственных образований по охране общественного порядка. Проводится их сравнительный анализ. Делаются выводы о том, что вне зависимости от государственной принадлежности милиции существовали общие направления ее деятельности по охране общественного порядка. А также о том, что в условиях Гражданской войны особую важность приобрели некоторые направления деятельности милиции по охране правопорядка, при этом произошло изменение их содержания. К ним относятся: борьба с пьянством и самогоноварением, а также контроль за соблюдением требований сухого закона; деятельность по сбору оружия и его изъятию у населения; контроль за соблюдением требований режима военного положения.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, милиция, Гражданская война, Советская Россия, антибольшевистские государственные образования.

Public Order Safety Activity of the Russian Militia in the Civil War Years (1918 – 1920)

Stepanov Mikhail M.,
Assistant Professor of the Economics and Law Department
Taimyr Branch of the Pushkin Leningrad State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

This article examines the activities of the militia of Russia on protection of a public order during the Civil War (1918–1920). Explains the importance of this activity for the stability of the existing government. The circumstances complicating protection of a public order are called. The main activities of the Soviet militia and militia of anti-Bolshevik state formations on protection of a public order are considered. Held their comparative analysis. The conclusion is that, regardless of the state militia affiliation existed general directions of its activity on the protection of public order. As well as that in the conditions of the Civil War, the particular importance acquired some activities of the militia for law enforcement, while there was a change of their contents. These include: the fight against alcoholism and home brewing, as well as control over compliance with the requirements of the dry law; the collection of weapons and his withdrawal from the population; control over compliance with the requirements of the regime of martial law.

Key words: protection of public order, militia, Civil War, Soviet Russia, anti-Bolshevik state formations.

В годы Гражданской войны охрана общественного порядка приобрела особое значение. В первую очередь это было обусловлено тем, что она стала иметь идейно-политический характер. По тому, как поддерживался надлежащий порядок, и осуществлялось реагирование на совершаемые преступления, население судило о силе существующей власти и ее способности защитить граждан и обеспечить мир и спокойствие на своей тер-

ритории. А это, в свою очередь, напрямую влияло на авторитет власти, степень поддержки ее обществом.

В рассматриваемый период обязанности по охране общественного порядка возлагались практически на все правоохранительные, в том числе и чрезвычайные, органы и армейские части. Но основную роль в этом играла милиция, как советская, так и белая.

В годы Гражданской войны возникли обстоятельства, чрезвычайно осложнявшие охрану общественного порядка: гигантская миграция населения; интенсивный рост числа городских жителей, который не сопровождался адекватным увеличением сети органов внутренних дел и их штатов; повальная безработица; массовая беспризорность несовершеннолетних. С другой стороны, частые реорганизации органов милиции существенно ее ослабляли, резко понизился уровень профессиональной подготовки милиционеров. Их материальное положение, а также материально-техническое обеспечение деятельности по охране общественного порядка не соответствовали реальным условиям жизни¹.

Советская милиция приступила к охране общественного порядка сразу же с момента своего создания. А специализированные органы в этой сфере стали появляться с конца 1918 г., когда в ряде городов страны стала вводиться постовая служба наружной охраны².

С первых дней Советской власти одним из основных направлений деятельности милиции по охране правопорядка стала борьба с пьянством. Так, в постановлении областного исполкома Советов депутатов Восточной Сибири от 22 февраля 1918 г. говорилось: «...предписать комиссариату охраны принять решительные меры по борьбе с преступностью и пьянством»³.

Особенностью охраны общественного порядка в ноябре — декабре 1917 г. стала борьба с пьяными погромами. Наибольшее распространение они получили в Петрограде, однако их волна прокатилась и по всей России⁴.

Милиция выявляла места подпольной торговли спиртным, проводила рейды по «злачным местам», задерживала пьяных. К примеру, в Петрограде в середине марта 1918 г. в ходе обыска в ресторане «Вилла Родэ» в тайных погребах было обнаружено более 10 тыс. бутылок вина, ликера и

коньяка⁵. В этом же городе в ночь на 5 июля 1919 г. в гостинице «Аркадия» обнаружилось, что «все помещения были заняты настолько пьяной публикой, что двери некоторых номеров пришлось взламывать, ибо ночующие там находились в бессознательном состоянии. Номерщик и коридорный... также были пьяны»⁶. В том же Петрограде за вторую половину 1918 г. за пьянство было задержано 849 человек, за 1919 г. — 1932 человека, за первую половину 1920 г. — 579⁷.

Советская милиция активно боролась с самогонованием, которое в годы Гражданской войны получило чрезвычайно широкое распространение и представляло значительную общественную опасность. В первую очередь это было связано с тем, что на производство самогона расходовалось огромное количество хлеба, которого крайне не хватало в стране. К примеру, только в одной Алтайской губернии в 1917 г. было переработано на самогон более 15 млн пудов хлеба⁸. В Омском уезде в пределах станций Куломзино, Любинская и Драгунская ежемесячно на изготовление самогона расходовалось около 100 тыс. пудов хлеба⁹. Другая опасность самогонования заключалась в том, что оно способствовало росту пьяной преступности в стране.

Милиция выявляла самогонщиков, уничтожала самогонные аппараты и привлекала виновных к ответственности. Причем в ряде мест к ответственности привлекались не только производители самогона, но и его потребители. Для борьбы с самогонованием в Сибири были даже созданы специальные конные отряды милиции, которые направлялись в уезды¹⁰.

Еще одним направлением деятельности милиции стала борьба с карточными и другими азартными играми. Так, 12 апреля 1919 г. по Управлению милиции Северной области был издан приказ, в котором говорилось: «В целях борьбы с развивающейся азартной карточной игрой не только в городах, но и в волостях и деревнях... предписывается всем заведующим губмилициями

¹ Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999. С. 78–79.

² Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1967. С. 30.

³ Цит. по: Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск, 1967. С. 94.

⁴ См.: Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 57–69.

⁵ Петроградский голос. 1918. 20 марта.

⁶ Цит. по: Мусаев В.И. Указ. соч. С. 173.

⁷ Мусаев В.И. Указ. соч. С. 173.

⁸ Биленко С.В. Советская милиция России (1917–1920 гг.). М., 1976. С. 83.

⁹ Известия. Омск. 1918. 22 февраля.

¹⁰ Николаев П.Ф. Указ. соч. С. 109–110.

немедленно принять все зависящие от них меры к прекращению азартных игр... обратить особое внимание на квартиры и дома, возбуждающие подозрение... привлекая виновных в устройстве таких притонов к строжайшей ответственности»¹¹.

Милиция принимала активное участие в ликвидации массовой беспризорности несовершеннолетних. Она выявляла беспризорников, изымала их с улиц и определяла в специальные распределители.

Огромное значение и для охраны общественного порядка, и для борьбы с преступностью имела деятельность милиции по изъятию у населения оружия. О масштабах этой работы можно судить по следующим цифрам: только в Боровском уезде Воронежской губернии летом 1919 г. было собрано и изъято у населения винтовок различных систем — 1405 штук, револьверов — 38, снарядов — 25, штыков — 357, патронов — 357 тыс., стволов ружейных — 225, пулеметных — 25, тел пулеметов — 21, лент пулеметных — 11 и другое военное снаряжение¹².

Сразу же после своего создания советская милиция включилась в работу по охране правопорядка и поддержанию безопасного движения транспортных средств и пешеходов на улицах городов¹³. Так, в принятом в декабре 1917 г. Положении об охране Петрограда уже была поставлена задача обеспечения безопасности дорожного движения¹⁴. В дальнейшем издавались и другие нормативные акты, регулировавшие деятельность милиции в данной сфере. Например, в Инструкции дружиннику революционной наружной охраны Союза коммун Северной области от 24 июля 1918 г. говорилось, что дружинник должен был охранять безопасность и порядок передвижения на улицах: запрещать непомерно быструю езду; ограждать днем рогатками, а ночью цветными фонарями ямы, обвалы и другие препятствия для движения; принимать меры к уборке упавших столбов, фонарей, повреж-

денных экипажей, павших животных и пр.; наблюдать за чистотой улиц и ставить в известность управления домами, где замечаются нечистоты; задерживать автомобили и экипажи при несоблюдении ими правил движения и записывать их номера, а также номера трамваев и вагоновожатых при несчастных случаях¹⁵.

В Москве милиция должна была строго следить за тем, чтобы с мостовой и тротуаров производилась уборка снега и льда в целях безопасности движения транспорта и пешеходов¹⁶.

Таким образом, советская милиция выполняла широкий круг обязанностей, связанных с охраной общественного порядка. Кроме того, в условиях Гражданской войны существенно изменилось содержание выполняемых ею функций.

Милиция в антибольшевистских государственных образованиях также выполняла задачи по охране общественного порядка, причем они мало отличались от тех, которые возлагались на советскую милицию.

В общих чертах их можно было сформулировать следующим образом: «принятие мер к прекращению нарушений порядка, закона и обязательного постановления; охрана личных и имущественных прав населения; своевременное оповещение населения о распоряжениях правительственных и общественных властей и об исходящих от них постановлениях; обеспечение порядка в местах общественного пользования... надзор за уличным движением...»¹⁷.

Одним из основных направлений деятельности милиции антибольшевистских государственных образований по охране общественного порядка стала борьба с пьянством и правонарушениями в этой сфере. Милиция охраняла места продажи и хранения спиртного от погромов, подбирала на улицах пьяных и следила за соблюдением требований сухого закона на территориях, где он был введен. Так, в Сибири при А.В. Колчаке милиция охраняла казенные винные лавки от грабежей¹⁸. В Красноярске

¹¹ Цит. по: Мусаев В.И. Указ. соч. С. 199.

¹² Биленко С.В. Указ. соч. М., 1976. С. 58.

¹³ История ГАИ: 60-летию Госавтоинспекции МВД России / М.Б. Афанасьев, Л.Н. Кочетов, Б.В. Росинский [и др.]; под ред. В. А. Федорова. М., 1996. С. 30.

¹⁴ Низамов В.Т., Рифицкий Г.П. Деятельность милиции РСФСР по обеспечению безопасности дорожного движения (1917 — июнь 1941 г.). Орел, 1989. С. 12–13.

¹⁵ Власенков В.В., Малыгин А.Я. Деятельность советской милиции по охране общественного порядка в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1981. С. 12.

¹⁶ История ГАИ. С. 35.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р439. Оп. 1. Д. 94. Л. 72–72об.

¹⁸ Там же. Ф. Р147. Оп. 14. Д. 4. Л. 19.

ей вменялось в обязанность подбирать лежачих на улице пьяных¹⁹. А в Северной области она проводила в жизнь обязательные постановления генерал-губернатора и правительства в сфере борьбы с пьянством. Например, в Архангельске в феврале 1918 г. за распитие спиртных напитков в кафе были оштрафованы несколько граждан и хозяин кафе, допустивший это правонарушение, на 1500 руб. каждый с заменой в случае неуплаты арестом на 45 суток²⁰.

Другой важнейшей задачей стало изъятие у населения оружия. Особую значимость эта деятельность приобрела в Сибири. Это было вызвано тем, что наряду с охотничьим оружием, имевшим в регионе широкое распространение, появилось и значительное количество боевого. По свидетельству современника, возвращаясь с фронта весной 1918 г., почти каждый солдат вез с собой винтовку, патроны и другое²¹. О важности этой деятельности говорит тот факт, что Департамент милиции МВД правительства А.В. Колчака дважды направлял на места циркуляры о необходимости изъятия оружия у населения²².

Положение существенно осложнялось тем, что в ряде случаев население категорически отказывалось сдавать оружие. Так, в декабре 1918 г. жители села Борисоглебовка Амурской области на своем сходе решили не подчиняться приказу Колчака и не сдавать оружие²³.

Другой задачей милиции антибольшевистских государственных образований стала охрана государственных учреждений и высокопоставленных должностных лиц. Для ее выполнения выставлялись соответствующие посты и наряды. А в некоторых государственных образованиях для этой же цели создавались специальные милицеские подразделения. Так, в Северной области эти функции выполняла особая рота военной милиции²⁴.

В годы Гражданской войны на территориях антибольшевистских государственных

образований повсеместно вводился режим военного положения. Он предусматривал в том числе и проведение ряда мероприятий, направленных на улучшение охраны общественного порядка и профилактику преступности: ужесточение паспортного режима, ограничение свободы передвижения по определенным территориям, введение комендантского часа. Так, на государственную стражу (милиция на территории Вооруженных сил Юга России) было возложено исполнение приказа военного губернатора Черноморской губернии от 8 ноября 1919 г., который гласил: «Ввиду участившихся случаев нападения разбойничьих шаек всех видов на мирных граждан ныне принимаются экстренные временные меры проверки документов»²⁵.

А в июне 1918 г. в приказе донского атамана говорилось: «Объявляю всю землю Войска Донского на осадном положении.

Въезд на территории Войска разрешается только Донским казакам и уроженцам Войска Донского.

Офицеры Российской армии, следующие в Добровольческую Армию, могут оставаться в течение трех дней в г. Ростове, предъявляя свои документы коменданту. Если в течение трех дней они не выедут в армию, то они должны покинуть пределы области...

Лицам, занимающимся торговлей, или промышленными предприятиями, а также служащим и едущим по служебной необходимости, иметь соответствующие документы.

Пленных, следующих из Австро-Германии, осматривать на пограничных станциях и пропускать только уроженцев Войска Донского и исключительно казаков (но не уроженцев) Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского и Уральского войск...»²⁶ Основные обязанности по исполнению требований этого приказа возлагались на милицию.

В Архангельской губернии милиция наблюдала за соблюдением требований комендантского часа. Так, в середине апреля 1919 г. за появление на улице после 12 часов ночи там были оштрафованы пять граждан²⁷.

Также режим военного положения был введен и на большей части территории Бе-

¹⁹ Енисейский вестник. 1919. 3 октября.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р3695. Оп. 1. Д. 82. Л. 20.

²¹ ГА РФ. Ф. Р147. Оп. 10. Д. 46. Л. 66.

²² Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 230.

²³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Л., 1968. С. 117.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р3695. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

²⁵ Там же. Ф. 1559. Оп. 1. Д. 512. Л. 26.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р103. Оп. 3. Д. 5. Л. 11.

²⁷ Там же. Ф. Р3695. Оп. 1. Д. 36. Л. 8.

лой Сибири, что требовало от милиции выполнения соответствующих обязанностей.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы о деятельности советской и белой милиции по охране общественного порядка в годы Гражданской войны:

- в этот период охрана общественно-го порядка приобрела особое значение, т.к. стала носить идейно-политический характер;
- в охране общественного порядка основную роль играла милиция;
- в годы Гражданской войны появились обстоятельства, чрезвычайно осложнявшие охрану общественного порядка и затруднявшие деятельность милиции в этой сфере;
- вне зависимости от государственной принадлежности милиции существовали общие направления ее деятельности по охране общественного порядка;
- в условиях Гражданской войны особую важность приобрели некоторые направления деятельности милиции по охране правопорядка, при этом произошло изменение их содержания. К ним относятся: борьба с пьянством и самогонварением, а также контроль за соблюдением требований сухого закона; деятельность по сбору оружия и его изъятию у населения; контроль за соблюдением требований режима военного положения.

Литература

1. Биленко С. В. Советская милиция России (1917–1920 гг.). М., 1976. 96 с.
2. Власенков В. В., Малыгин А. Я. Деятельность советской милиции по охране общественного порядка в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.). М., 1981. 29 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р103. Оп. 3. Д. 5. Л. 11; Ф. Р147. Оп. 10. Д. 46. Л. 66. Оп. 14. Д. 4. Л. 19; Ф. Р439. Оп. 1. Д. 94. Л. 72–72об.; Ф. Р1559. Оп. 1. Д. 512. Л. 26; Ф. Р3695. Оп. 1. Д. 36. Л. 8. Д. 75. Л. 3. Д. 82. Л. 20.
4. Енисейский вестник. 1919. 3 октября.
5. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1967. 87 с.
6. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. 352 с.
7. Известия. Омск. 1918. 22 февраля.
8. История ГАИ: 60-летию Госавтоинспекции МВД России / М.Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В.А. Федорова. М., 1996. 304 с.
9. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Л., 1968. 490 с.
10. Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999. 169 с.
11. Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. 208 с.
12. Низамов В.Т., Рифицкий Г.П. Деятельность милиции РСФСР по обеспечению безопасности дорожного движения (1917 — июнь 1941 г.). Орел, 1989. 429 с.
13. Николаев П.Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск, 1967. 292 с.
14. Петроградский голос. 1918. 20 марта.

Преамбула актов органов самодержавной власти как источник изучения реализации политики России на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

*Маремкулов Арсен Нажмудинович,
профессор кафедры теории государства и права
Кабардино-Балкарского государственного университета (КБГУ),
доктор юридических наук, кандидат исторических наук
arsen1904@yandex.ru*

Статья представляет собой попытку практического осмысления значимости преамбулы актов органов самодержавной власти в процессе изучения реализации политики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: преамбула, органы самодержавия, реализация политики, российское законодательство, обычное право.

Autocratic Power Authorities Acts Preamble as a Source of Study of Russian Policy in the North Caucasus of XVIII–XIX Centuries

*Maremkulov Arsen N.,
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kabardino-Balkarian State University (KBSU),
Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences*

This article is an attempt to practical understanding of the significance of the preamble acts of autocratic power in the process of studying the implementation of the policy of the Russian state in the North Caucasus in the 18–19 centuries.

Key words: preamble, autocracy bodies, the implementation of policy, Russian legislation, customary law.

Вопросы юридической технологии актуальны на современном этапе. Вместе с тем нам представляется, что исторические аспекты развития юридической технологии остаются сегодня, пожалуй, наименее изученными. Какого-либо комплексного исследования по этой проблеме не существует, хотя отдельные моменты находят отражение в отдельных работах ученых-правоведов. Особая роль в юридической технологии принадлежит преамбуле. Считаем, что правовой потенциал этого уникального элемента далеко не изучен. Исследователи вполне справедливо отмечают важность этого элемента, считая, что преамбула нормативного правового акта активно и полноценно участвует в механизме и правового регулирования, и юридического воздействия на поведение субъектов общественных отношений¹.

¹ Хачатурова Л.К. Преамбула нормативного правового акта как высокоценное технико-юридическое и культурно-воспитательное средство вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 355.

Осуществление политики Российского государства на Северном Кавказе отражено в большом количестве актов органов государственной власти. И самой информативной в этом плане является преамбула.

Полагаем, что исследование юридической технологии данных актов позволит значительно раскрыть многие аспекты, которые до сих пор не были известны при изучении событий в Северо-Кавказском регионе в XVIII–XIX вв. При подобном подходе можно проследить качество принимаемого решения, а также увидеть, достигли ли акты поставленной цели, удовлетворены ли мотивационные устремления законодателя в том или ином вопросе.

Преамбулы актов органов самодержавия отличались целью, логической последовательностью и доступностью для восприятия. Здесь присутствовали мотивационные аспекты и цели принятия акта. В большинстве случаев делалась ссылка на обращение должностного лица, что позволяет нам определить инициатора принятия

акта. Преамбула и постановляющая часть шли сплошным текстом. Границу между ними можно было проследить посредством того, что закреплялись следующие фразеологические обороты: «мы повелеваем», «мы предписываем», «на сие вам объявляется» и т.д.

В преамбулах достаточно широко представлены различные способы реализации политики российского самодержавия. К примеру, в указе Сената, направленном Коллегии иностранных дел под грифом «секретно» от 14 мая 1767 г., регулировался вопрос о тайном «разведывании» цветных металлов Осетии, возможности их добычи и вывозе в Россию².

В преамбуле к указанному акту отмечалась ценность месторождений в Осетии по добыче серебра и свинца. Здесь же в преамбуле излагалась практическая значимость принятия акта, регулирующего добычу металлов в Осетии: во-первых, по мнению Сената, производство добычи со стороны тамошних народов не вызывает беспокойства, так как они «состоят под скипетром Ея Императорского величества», во-вторых, содержание подобной добычи в несколько раз дешевле, нежели в Нерчинском месторождении.

Наличие таких обстоятельств требовало незамедлительного решения означенного вопроса. В акте закреплялись мероприятия по осуществлению добычи полезных ископаемых, а также устанавливался порядок ведения работ и отношения с местными народами.

Именное высочайшее повеление генерал-губернатору от 28 февраля 1792 г. являлось классическим примером установления в Кабарде новой системы судоустройства и судопроизводства. В основу именного высочайшего повеления был положен рапорт главнокомандующего Кавказской линией генерал-аншефа И.В. Гудовича. Императрица поддержала идею создания в Кабарде родовых судов и родовых расправ, а в преамбуле предлагала проводить эти мероприятия с чрезвычайной осторожностью, так как «...не единою силою оружия подлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие и имеющие надежные в оных от

войск наших убежища, но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе доверенность; кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с Русскими...»³.

Одним из интереснейших указов в плане мирных способов освоения Северного Кавказа можно считать и указ Сената от 18 апреля 1833 г. В преамбуле отмечалось о докладе командира Отдельного Кавказского корпуса о необходимости решения вопроса судеб дочерей горцев, которые попали в плен во время военных действий. Сенат определял, что горянок необходимо было вверить людям семейным, «известным честною жизнью и хорошей нравственностью, с обязательством, что они обучат их грамоте или приличным мастерствам и рукоделаниям; а по достижении возраста, не допуская жить праздно, устроят участь их отдачею в замужество и доставлением других приличных способов к содержанию». Далее следовала норма, согласно которой с 18 лет девушки были свободны в выборе жизненного пути.

Особый интерес представляют акты, связанные со стремлением самодержавия адаптировать местное население к решению вопросов с использованием российского законодательства. Данный процесс осуществлялся посредством:

а) использования наряду с обычным правом положений российского законодательства. Моментальный переход к российским законам был практически несуществим. Можно проследить процесс постепенного вкрапления российского законодательства. Здесь особый интерес, на наш взгляд, заслуживает наставление Временному суду от 29 августа 1822 г.⁴ По своей сути это наставление было своего рода положением об этом суде. Данное положение являлось временным и, как отмечалось в преамбуле наставления, издавалось «впредь на особых правах». Обычное право приобрело новое значение, но теперь уже было трансформировано и приспособлено к российскому законодательству. Так, в пункте 9 наставления отмечалось, что «все дела гражданские и спорные между Кабардин-

³ Там же.

⁴ Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. / сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 353–357.

² АВПр. Ф. «Осетинские дела». Оп. 128/11. Д. 1. Л. 516–523. Копия // Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933. Т. 1. С. 174–177.

цами, равно и претензии на них от людей инородных, разбираются и решаются по их древним обычаям и обрядам, **приспособленные оные** (выделено нами.— А.М.), по коликую важность случаев дозволит к правам Российским». На данном этапе установления судебной системы сочетание обычного права с элементами российского законодательства было единственным вариантом, который позволил бы этой системе существовать вообще. Отсюда расчет царского правительства был точен: посредством обычного права, как давно сложившейся юридической основы, одобряемой населением, заставить кабардинцев подчиниться новой системе судоустройства;

б) применения «временных изъятий» из действующего российского законодательства. По мере укрепления позиций этот способ стал наиболее распространенным в области торговых отношений. Так, в основу положения Кавказского комитета от 11 октября 1847 г. были положены записка министра финансов и отношение директора Департамента внешней торговли⁵.

Министр финансов высказался против предоставления горцам разрешения на беспошлинный провоз товаров. Отказ был мотивирован причинами подрыва «правильной торговли», а также тем, что освобождение горцев от действующих таможенных постановлений «может поселить в них мысль, что эти постановления вообще никогда на них распространяться не должны и что беспошлинный привоз товаров разрешается им по какому-либо особому праву навсегда, а не в видах временного снисхождения». Вместе с этим предлагалось отложить вопрос до подробного изучения и официального сообщения наместника Кавказа и распространить эти льготы только на тех горцев, которые заслужили это «постоянным повиновением законной власти».

Подобный подход также можно проследить в высочайше утвержденном положении Кавказского комитета от 18 июня 1849 г. Этот акт был направлен на продление действия Временных правил пропуска пассажирского имущества, утвержденных комитетом 11 октября 1847 г.⁶ В целом, в актах Кавказского комитета прослеживается, в зависимости от ситуации, целенаправлен-

ный, конструктивный, гибкий, осторожный, взвешенный подход к процессам, происходившим на Северном Кавказе. Особенно важно здесь выделить отмеченное выше стремление в актах адаптировать местное население к российскому законодательству;

в) прямого применения российского законодательства. Переход к прямому применению российского законодательства можно, к примеру, проследить в высочайше утвержденном положении Комитета министров от 19 марта 1840 г. «О порядке отвода земель по Всемилостивейшему пожалованию в губерниях: Саратовской, Оренбургской и области Кавказской»⁷. В преамбуле акта на основании представления министра государственных имуществ отмечалось, что высочайшим повелением от 31 января 1839 г. приостановленная ранее выдача земель в Саратовской и Оренбургской губерниях и Кавказской области теперь разрешена на общих основаниях. Вместе с тем, как отмечал министр государственных имуществ, при решении этого вопроса часто возникают «недоразумения и затруднения», а в связи с этим просил рассмотреть положение о порядке отвода указанных земель.

Таким образом, можно увидеть, насколько насыщены преамбулы актов российской самодержавия, их изучение позволяет выявить эффективные формы и методы становления российской системы управления, которые могут быть учтены при совершенствовании правовой политики на Северном Кавказе.

В заключение сформулируем некоторые выводы:

1. Предложенный подход позволяет, на наш взгляд, увеличить познавательный потенциал всей системы юридических средств, использованных в рамках отмеченного исторического опыта.

2. Ретроспективное изучение юридической технологии актов (в частности, актов имперской власти) может служить одним из критериев подготовки качественных, действенных актов на современном этапе.

3. Познавательный потенциал преамбул должен способствовать нивелированию поверхностного отношения к юридической технологии, исключительно как к вспомогательной силе при подготовке акта.

⁵ ПСЗРИ. Т. XXII. 1848. № 21586.

⁶ ПСЗРИ. Т. XXIV. 1850. № 23330.

⁷ ПСЗРИ. Т. XV. 1840. № 13271.

Литература

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. «Осетинские дела». Оп. 128/11. Д. 1. Л. 516–523. Копия // Опубл. в: Материалы по истории Осетии. Орджоникидзе, 1933. Т. 1. С. 174–177.
2. Из документальной истории кабардино-русских отношений. Вторая половина XVIII — первая половина XIX вв. / сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 353–357.
3. Полное собрание законов Российской империи. 1850. Т. XXIV. № 23330.
4. Полное собрание законов Российской империи. 1840. Т. XV. № 13271.
5. Полное собрание законов Российской империи. 1848. Т. XXII. № 21586.
6. Хачатурова Л.К. Преамбула нормативного правового акта как высокоценное технико-юридическое и культурно-воспитательное средство вузовской подготовки правоведов // Юридическая техника. 2009. № 3. С. 355.

Военнопленные и заключенные в годы Великой Отечественной войны на территории Вятского исправительно-трудового лагеря

*Гуриц Сергей Дмитриевич,
старший преподаватель кафедры кадровой,
воспитательной и психологической работы в УИС
Кировского института повышения квалификации работников
Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России)
sergeygurits@mail.ru*

В статье раскрываются проблемы, связанные с системой мест заключения. Отдел мест заключения находился в ведении НКВД СССР. Целью работы является характеристика и сравнительный анализ условий содержания различного спецконтингента. В качестве спецконтингента рассматриваются спецпоселенцы, заключенные и военнопленные. Данный спецконтингент содержался в учреждениях исправительно-трудовых и специальных — для военнопленных. В статье раскрывается история создания и деятельности Вятского исправительно-трудового лагеря и Вятского лагеря для военнопленных в Кировской области. В качестве исторических рамок использовалось начало деятельности данных учреждений. Таким образом, взяты периоды предвоенного времени и Великой Отечественной войны. В качестве методологии использован исторический и сравнительно-правовой подходы. Исследование осуществляет сравнение способов обращения с военнопленными, заключенными и спецпоселенцами. Основными параметрами сравнения являются момент создания учреждений и характеристика условий содержания в них, а именно: бытовое обслуживание, жилищные и трудовые условия содержания военнопленных, спецпоселенцев и заключенных. В статье указывается на более выгодные условия содержания военнопленных. Исследование основывается на ряде первичных источников: архивных документах и документах учреждений, из музейных хранилищ.

Ключевые слова: военнопленный, заключенный, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), Великая Отечественная война, Вятский исправительно-трудовой лагерь.

War Prisoners and Prison Community in the Years of the Great Patriotic War in the Territory of the Vyatka Correctional Labor Camp

*Gurits Sergey D.,
Senior Lecturer of the Department of Staff,
Educational and Psychological Work in the Penal Correction System
of the Kirov Institute of Advanced Training
for the Federal Penitentiary Service Staff (FPS of Russia)*

The article describes the problems associated with the prison system. The Department of detention was in the management of the PCIA. The purpose of work is to characterize the conditions of various special contingent and their comparative characteristics. As a special contingent considered special settlers, prisoners and prisoners of war. This special contingent detained in institutions of corrective labor and special POW. In the article the history of creation and activity Vyatka labor camp and Vyatka POW camp in the Kirov

region. As a historical framework used by the beginning of the activities of these institutions. Thus, the pre-war period of time taken and the Great Patriotic War. As the methodology used in historical and comparative legal approach. The study compares the handling of prisoners of war, detainees and special settlers. The main comparison parameters are the time of the creation of institutions and characteristics of conditions in them. Characterized by features such as: consumer services, housing and employment conditions of detention of prisoners of war, detainees and special settlers. The article points to the more favorable conditions of detention of prisoners of war. The study is based on a number of primary sources, archival documents and documents of the institutions, from the museum's storage.

Key words: a prisoner of war, a detainee, People's Commissariat of Internal Affairs (PCIA), the Great Patriotic War, Vyatka corrective labor camp.

На территории Кировской области в годы Великой Отечественной войны существовало два управления местами заключения: Управление НКВД в г. Кирове и на северо-востоке Кировской области — Управление Вятского исправительно-трудового лагеря (далее — Вятлаг, Вятский ИТЛ), созданное постановлением СНК СССР от 12 августа 1937 года. На основе данного постановления НКВД организовал шесть лесозаготовительных лагерей, включая Вятлаг. Управление Вятского ИТЛ по объемам производства и охвату территории превышало деятельность отдела мест заключения УНКВД по Кировской области.

Территория Вятлага начиналась в Верхнекамском районе Кировской области и продолжалась в двух субъектах РСФСР: почти на 300 км уходила через Коми-Пермяцкий автономный округ в Коми АССР по проложенной силами спецконтингента ведомственной железной дороге. Причина масштабности территории исходила из использования природных ресурсов. С XVIII века здесь появилось железоделательное производство и достаточно разветвленная сеть местных железных дорог на конной тяге, главными ресурсами начала XX века стали рудники и лес. Вятско-Камское месторождение желваковых фосфоритов в 1930 году было признано основной сырьевой базой химической промышленности Урала и всего востока СССР. Поставка леса и фосфоруды являлась в условиях надвигающейся войны стратегической задачей. Для ее исполнения и стал формироваться Вятский ИТЛ.

Развитие освоения перечисленных ресурсов началось задолго до создания здесь учреждений органов мест заключения. Металл вывозили на лошадях, лес сплавляли по реке Вятке во время разлива. В 1923 году началось и в 1931 году было завершено строительство железной дороги, кото-

рая соединила Транссибирскую магистраль с северо-восточным районом Вятской губернии¹. Главной строительной силой стало местное население — крестьяне. Государство применило здесь те же ресурсы, что и при строительстве других дорожных инфраструктур на Севере и Дальнем Востоке².

Созданию лагерной инфраструктуры способствовала внутренняя социально-репрессивная политика государства. Коллективизация и связанные с ней карательные действия против различных категорий населения, названных врагами народа: кулаков, шпионов, сочувствующих народов и других. Поэтому наполняемость края была реализована очень быстро³. Поселялись ссыльные в бараках, наскоро собранных своими силами.

Для поселенцев создавались типовые комплексы вместимостью примерно на тысячу человек. Строительством комплекса занимались сами поселенцы. В комплекс входили специальные постройки, в частности, бани-санпропускники, пекарня, медпункт, спецкомендатура, складские помещения и жилые постройки. Барак вместимостью 250 человек представлял собой одноэтажное строение, в котором размещались сплошные одноярусные нары, топчаны, бак с питьевой водой, не всегда кипяченой.

По мере обживания на новой территории появлялись более благоустроенные поселки. Такие поселки наряду с гражданскими наименованиями имели номера в соответствии

¹ Памятники Верхнекамского района [Электронный ресурс] // Верхнекамский район // Архитектура, дизайн и строительство. URL: <http://www.archidesignfrom.ru/2312-pamyatniki-verhnekamskogo-rayona.html>.

² Лобченко А.Н. Становление системы спецпоселений на севере СССР // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 78–86.

³ Об антисоветских элементах: Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. № П51/94 [Электронный ресурс]. URL: <http://blog.stepanivanovichkaragodin.org/?p=661>.

с обозначением лагподразделения. Это были поселки Скачок № 8, Ожмегово № 7, спецпоселки в центре Вятлага — поселке Рудничном. Передвижение спецпоселенцев и образ их жизни регламентировались специальными правилами внутреннего распорядка. С 1939 года в Скачке поселили польских «осадников», а также высланных из Западной Украины и Западной Белоруссии, всего 1519 человек (111 семей)⁴.

Наряду с интернированными поляками, большую национальную группу составляли немцы Поволжья, численностью около 10 тысяч человек. Они прибыли в Вятский край в начале Великой Отечественной войны через большую территорию Советского Союза из Сибири и Казахстана (первое время после переселения они жили в юртах, около ста человек в каждой). Несмотря на статус интернированных, который имел особую защиту по нормам международного права, их положение было более тяжким (обязаны были выполнять нормы трудодней), даже в сравнении с заключенными. При этом у спецпоселенцев, членов партии, сохранялись партбилеты, они платили партвзносы, участвовали в партсобраниях наряду с членами партии из лагерной администрации⁵.

Вятский исправительно-трудовой лагерь был создан на основе приказа НКВД СССР от 5 февраля 1938 года № 020⁶. В приказе предписывалось создать на северо-востоке Кировской области Управление Вятского исправительно-трудового лагеря.

Первые заключенные прибыли в январе 1938 года. Основной целью Вятлага была переработка древесины для нужд военной отрасли: авиационная береза и сосна, укупорка, ружейные болванки и ствольные накладки, понтонник, спецтара, ящики под снаряды, клепка под нефтетару⁷. Предполагаемый ре-

сурс лесосырьевой базы площадью в полмиллиона гектар и 50 млн м³ древесины.

Одним из видов переработки древесины было строительство Камского целлюлозного завода: в октябре 1938 года началось сооружение главного корпуса, а уже в августе 1939 года была введена в эксплуатацию первая очередь завода⁸. Руководители Вятлага за ускоренные темпы ввода в эксплуатацию завода были награждены правительственными наградами⁹.

Переходя к характеристике военнопленных, сначала раскроем некоторые термины. Учреждения для военнопленных получили название «лагерь» на основании международных конвенций 1907¹⁰ и 1929¹¹ годов.

Общего в термине «лагерь» для заключенных (осужденных) и для военнопленных немного. В конвенциях напрямую указывается на исключение содержания военнопленных в лагерях для заключенных. Тем самым проводится дифференциация двух субъектов права.

Термины «спецлагерь» и «спецгоспиталь» в годы Великой Отечественной войны отражают специфику обращения с военнопленными. Смысл дефиниции «специальный» госпиталь или лагерь отражает различия. Различия заключаются в том, насколько система организации содержания военнопленных отличается от системы содержания заключенных в Советском Союзе в такой же период. «Военнопленный не является и не

№ 407 // Материалы Районного исторического музея Верхнекамского района Кировской области.

⁸ История уголовно-исполнительной системы области [Электронный ресурс] // Материалы сайта УФСИН России по Кировской области. URL: <http://43.fsin.su/history>.

⁹ За отличное и досрочное выполнение правительственного задания по особому строительству № 4; указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1939 года. См.: Веремьев В. Указ. соч.

¹⁰ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 10.10.1907 г.) [Электронный ресурс] // Материалы сайта Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>.

¹¹ Конвенция об обращении с военнопленными (Женева, 27 июля 1929 г.) [Электронный ресурс] // Материалы сайта Международного комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/305?OpenDocument>.

⁴ Памятники Верхнекамского района // Там же.

⁵ Веремьев В. ВЯТЛАГ — Учреждение К-231: страницы истории (даты, факты, имена) // Материалы сайта «ВятЛаг» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vyatlag.ru/load/quot_vjatlag_quot_daty_fakty_imena/8-1-0-31.

⁶ Историческая справка об изменении наименования и реорганизации и переподчинении на основании постановлений Правительства и приказов МВД СССР // Материалы Районного исторического музея Верхнекамского района Кировской области.

⁷ О работе 6-го лагерного пункта: приказ начальника Управления Вятлага НКВД СССР от 15.11.1941

может являться преступником за один лишь факт пленения»¹².

Статус заключенного находился исключительно в ведении национального законодательства и не подпадал под защиту международных актов и организаций. Факт исполнения воинского долга или приказа не является основанием судебного преследования военнопленного, главная цель содержания в плену — это изоляция. Изоляция имеет два направления: изоляция от сообщения с действующей армией, изоляция от попадания на «театр военных действий».

Именно функции изоляции исполняли спецлагеря и спецгоспитали для военнопленных. Как структурная административная единица спецлагерь именуется в международных актах как лагерь. В рамках советской специфики термин «спецлагерь» используется для различения с лагерями для заключенных. Своего рода демонстрация, что военнопленные содержатся не в системе мест заключения, а имеют особое, более выгодное правовое положение по сравнению с преступниками.

Обратимся к моменту создания учреждения-спецлагеря и учреждения-лагеря на территории Вятлага в Кировской области.

К лету 1941 года Вятлаг насчитывал 12 лагпунктов с примерно 20 тысячами заключенных. Одновременно в Вятлаг свозится большое количество заключенных. Условия жизни были очень тяжелыми: когда доставлялись, они проживали в палатках независимо от времени года. Зима для многих заключенных заканчивалась голодной или холодной смертью. Уровень смертности для заключенных в Вятлаге был высоким по меркам ГУЛАГа. Смерть вновь прибывшего этапа в самый тяжелый для жизнеобеспечения 1942 год наступала уже через месяц или два. Существенный вклад в показатели смертности вносили эпидемии. Лечение заключенных в силу военного времени на должном уровне не осуществлялось. Этапы приходили один за другим, и объем рабочей силы для строительства производственной инфраструктуры сохранялся.

Военнопленные в Кировскую область стали прибывать с 1943 года, в период коренного перелома в Великой Отечественной войне.

В соответствии с приказом НКВД СССР в апреле 1943 г.¹³ на непосредственной территории Вятлага был создан Вятский лагерь вместимостью 4 тыс. человек. Находились военнопленные в данном лагере до 1947 года¹⁴.

Вятский лагерь должен был начать свое строительство в апреле 1943 года и завершить к 1 октября 1943 года. В целом помещения: жилые, карантин, прачечная, изолятор, подсобные, в том числе бани, кухни, столовая, охранные комплексы, системы коммуникаций и отопления — должны были построиться за 3 месяца. Всего по данному приказу увеличивалось количество мест для военнопленных на 500 тыс. по всему Советскому Союзу¹⁵.

Военнопленные прибывали, в отличие от всех остальных принудительных обитателей Вятлага, на готовое место проживания. Инфраструктура жизнедеятельности для военнопленных сформировалась на основе уже функционировавших ранее помещений для заключенных: участков, лаготделений и подразделений и на основе госпиталей для красноармейцев¹⁶. В это же время заключенных начали отправлять на фронт — кровью искупать долг перед Родиной, а госпитали красноармейцев стали дислоцировать ближе к линии фронта. Из Вятлага на фронт было направлено около 500 заключенных¹⁷.

Таким образом, военнопленные изначально имели условия для жизни более выгодные, нежели заключенные и спецпоселенцы. Вятский лагерь № 101¹⁸ имел несколько лаготделе-

¹² Самодуров Д.И. Международно-правовой статус военнопленных // Военно-юридический журнал. 2008. № 7. С. 20–22. С. 20.

¹³ О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента: приказ НКВД СССР от 09.04.1943 г. № 00689 // Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская; под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. 1120 с. С. 74–75.

¹⁴ Об организации отправки эшелонов военнопленных: выписка из приказа начальника Управления Вятского исправительно-трудового лагеря МВД СССР от 17.02.1947 г. № 06 // Материалы Районного исторического музея Верхнекамского района Кировской области.

¹⁵ О расширении существующей сети и строительстве новых лагерей НКВД для военнопленных и спецконтингента // Там же. С. 74–75.

¹⁶ История эвакогоспиталя № 2074. 1941–1944 // Материалы Государственного архива Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2248. Оп. 6. 194-я ед. хр. Л. 16.

¹⁷ Веремьев В. Указ. соч.

¹⁸ Перечень лагерей НКВД для содержания военнопленных и спецконтингентов, подлежащих расширению или организации вновь в 1943 г.,

ний на территории Кайского, Омутнинского, Белохолуницкого районов Кировской области и территории Коми АССР. Общее количество прибывших военнопленных составило за все время существования приблизительно около 100 тыс. человек¹⁹, наибольшее количество поступило в послевоенный период.

Военнопленные подразделялись на категории по профпригодности. Нахождение военнопленного в спецлагере обязывало его на выполнение производственных функций²⁰. В зависимости от медицинских показателей, первая группа допуска выполняла тяжелые физические работы, в состав которых входило более 70 видов работ, в частности лесозаготовка (лесорубы, вальщики, трелевщики, грузчики); вторая группа осуществляла разного рода квалифицированные действия, но с меньшим объемом физической нагрузки (шорники, машинисты, слесарные рабочие, плотники и другие, около 20 специальностей); третью группу составляли сельхозработники и разнорабочие, способные выполнять физические действия, но не имеющие навыков работы по специальностям.

Производительность труда военнопленных была достаточно высока. Лагерь поддерживал необходимый уровень производства для самообеспечения: изготавливался строительный материал в цехах увеличения производственных мощностей и жилой площади для учреждений для военнопленных и гражданского населения, создавался необходимый запас продовольствия (территория Вятского лагеря находится в невыгодных условиях земледелия, но для овощного воспроизводства этот район пригоден); военнопленные производили ремонт обуви и сельхозинвентаря, создавали диковинные для местного населения товары²¹.

Производственная деятельность организовывалась посредством деления военнопленных по рабочим категориям, также разделение осуществлялось и по национальному

признаку. Существовали работы, на которые не допускались пленные немцы (кухня, продовольственные склады). Военнопленные имели строгую внутреннюю иерархию: статус офицера однозначно устанавливал соподчиненность в воинской дисциплине, как в строю. Военнопленные старались выполнять возложенные на них производственные функции, актов неповиновения, бунтов не устраивалось. Военнопленные придерживались корпоративного взаимодействия и сохраняли приверженность воинскому уставу, даже будучи пленными.

Система охраны лагеря организовывалась подразделениями военизированной охраны. Охрана выполняла следующие функции: непосредственная охрана периметра лагеря, конвоирование этапов, вывод на производственные объекты. Проживала в отдельном стоящих зданиях при лагере и имела подчинение ведомству НКВД СССР по охране²².

Вещевым довольствием военнопленные практически не обеспечивались. Пошив одежды нигде в СССР для военнопленных не осуществлялся. Спасала положение смертность. Одежда умерших военнопленных дезинфицировалась и выдавалась в качестве вещевого довольствия. В бараках отопление было печное, существовали банно-прачечные отделения, и их функционирование зависело от расторопности самих военнопленных.

Таким образом, сравнительный анализ условий содержания в Вятском лагере для военнопленных и Вятском исправительно-трудовом лагере для спецпоселенцев и заключенных свидетельствует о более тяжелых условиях содержания заключенных и спецпоселенцев, в силу того что военнопленные помещались в уже подготовленные места пребывания, а заключенные и спецпоселенцы прибывали в необустроенную тайгу Вятлага. Более выгодное положение военнопленных изначально определялось их международным статусом.

Литература

1. Загоруйко М.М., Сидоров С.Г., Царевская Т.В. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / под ред. М.М. Загоруйко. М.: Логос, 2000. 1120 с.
2. Лобченко А.Н. Становление системы спецпоселений на севере СССР // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 78–86.
3. Самодуров Д.И. Международно-правовой статус военнопленных // Военно-юридический журнал. 2008. № 7. С. 20–22.

²² Справка о состоянии режима и охраны в спецпитаниях Кировской области // ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 6. 211-я ед. хр. Л. 15.

с производством строительных работ НКВД СССР: приложение № 1 к приказу НКВД СССР № 00689 // Военнопленные в СССР. С. 75–76.

¹⁹ Веремьев, В.И. Жить и помнить [Электронный ресурс] // Материалы сайта «Герценка»: вятские записки. URL: http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number15&ELEMENT=gerzenka15_3_9.

²⁰ Приказ НКВД СССР от 28.11.1942 г. № 002597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных» // Военнопленные в СССР. С. 562.

²¹ История эвакогоспиталя № 1952 // ГАКО. Ф. Р-2248. Оп. 6. 234-я ед. хр. Л. 1–16, 14.

Положение о военнопленных от 2 июля 1877 г. как этап эволюции правового регулирования отечественной системы военного плена

*Познахирев Виталий Витальевич,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Смоляного института Российской академии образования,
кандидат исторических наук
vvr@list.ru*

В статье исследуется базовый нормативный правовой акт о военнопленных противника периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Используя архивные и опубликованные источники, автор реконструирует предпосылки и условия разработки документа, анализирует его преимущества и недостатки, обосновывает роль и значение Положения 1877 г. в развитии правовой регламентации сферы военного плена.

Ключевые слова: базовый нормативный правовой акт, Военное министерство, военнопленные, интернирование, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., турки.

“Provision on War Prisoners” dated July 2, 1877 as an Evolution Stage for the War Prison Domestic System Legal Regulation

*Poznakhirev Vitaliy V.,
Assistant Professor of the Department of Humanities
of the Smolny Institute of the Russian Academy of Education,
Candidate of Historical Sciences*

The article investigates the fundamental law on the enemy's prisoners of war during the Russian-Turkish war of 1877–1878. Using the archive documents and published materials, the author reconstructs the prerequisites and conditions creating of this law, analyzes its advantages and disadvantages, substantiates the role and importance of the Prisoners of war Act 1877 in the development of the legal regulation of the sphere of military captivity.

Key words: fundamental law, War Office, prisoners of war, internment, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Foreign Affairs, Russian-Turkish war of 1877–1878, Turks.

Проблема эволюции национального законодательства в сфере военного плена выступает в наши дни одним из приоритетных направлений отечественной историко-правовой историографии. Только в последние годы различные аспекты этой темы исследовали С.В. Белоусов, А.А. Кузьминых, В.В. Познахирев и многие другие авторы¹.

Вместе с тем, такой нормативный правовой акт, как Временное положение о военнопленных Восточной 1877 года войны от

2 июля 1877 г.², пока еще не привлекал к себе внимание российских ученых, хотя содержание названного документа (да и весь процесс его разработки) отличалось целым рядом уникальных особенностей.

В этой связи в первую очередь отметим, что на момент объявления войны Турции (12 апреля 1877 г.) Россия располагала лишь Положением о пленных от 16 марта 1854 г.³, принятым в начале Крымской войны 1853–1856 гг. и еще в 1855 г. признанным устаревшим. Причем настолько устаревшим, что в 1877 г. Петербург не считал возможным использовать его даже в качестве временного руководящего документа⁴ (см. таблицу).

¹ Белоусов С.В. Правовое регулирование положения военнопленных армии Наполеона в России // История государства и права. 2005. № 7. С. 18–21; Кузьминых А.А. Становление советского законодательства в области военного плена // Военно-юридический журнал. 2013. № 10. С. 25–30; Познахирев В.В. Основы правового регулирования военного плена в России в конце XVII — начале XX в.: на примере русско-турецких вооруженных конфликтов // История государства и права. 2012. № 15. С. 34–36.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. LII. № 57530.

³ Там же. Т. XXIX. № 28038.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 111. 1856 г. 2-е отд. Д. 375. Л. 3.

Таблица

Сроки разработки и принятия в России базового нормативного правового акта о военнопленных противника (в войнах XIX — начала XX в.)*

Наименование конфликта	Дата вступления России в войну	Дата принятия Положения о пленных	Разница между датами вступления в войну и принятия Положения о пленных (в сутках)
Русско-турецкая война 1828–1829 гг.	14.04.1828 г.	09.07.1829 г.	451
Крымская война 1853–1856 гг.	04.10.1853 г.	16.03.1854 г.	163
Русско-турецкая война 1877–1878 гг.	12.04.1877 г.	02.07.1877 г.	81
Русско-японская война 1904–1905 гг.	27.01.1904 г.	13.05.1904 г.	106
Первая мировая война 1914–1918 гг.	19.07.1914 г.	07.10.1914 г.	80

* *Примечание.* Даты принятия положений о пленных указаны по изданиям: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. IV. № 2977; Т. XXIX. № 28038; Т. LII. № 57530; Собр. 3. Т. XXIV. № 24523; Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства (СУиРП). 1914. № 281. Ст. 2568.

В условиях продолжительного отсутствия конкретных указаний армейскому и флотскому командованию на театрах военных действий не оставалось ничего иного, как принимать решения, руководствуясь нормами обычного права и собственным правосознанием. Так, 14 апреля 1877 г. в Одессу, еще не зная о начале войны, зашло турецкое торговое судно «Мурад-Бахри», попавшее накануне в шторм и лишившееся всех якорей. Небезынтересно отметить, что командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант В.С. Семека счел целесообразным признать турок... потерпевшими бедствие на море. Поэтому он не только разрешил капитану судна исправить повреждения и беспрепятственно покинуть порт, но и передал на «Мурад-Бахри», в качестве своего рода спасательной услуги, несколько пудов сухарей⁵.

Позднее, столкнувшись с запросами флота о том, как следует поступать с моряками турецких торговых судов, захватываемых русскими крейсерами, В.С. Семека 12 июня 1877 г. предписал считать военнопленными только те экипажи, которые при задержании окажут вооруженное сопротивление, а всех прочих, по усмотрению командования Черноморским флотом, «высылать установленным порядком внутрь Империи или оставлять на месте под надзором полиции». Предписание это серьезно противоречило складывающейся в стране системе законодательства о пленных, и в сентябре 1877 г. МИД потребовал его отмены на том

основании, что команды торговых судов должны признаваться военнопленными безусловно⁶. Впрочем, объективности ради заметим, что в частях Черноморского флота и до сентября 1877 г. с рассматриваемым документом считались далеко не всегда. Факты свидетельствуют о том, что в одних случаях турецкие моряки становились военнопленными и тогда, когда не предпринимали даже попыток сопротивления (например, члены экипажа шхуны «Осман-Гази», захваченной в июле 1877 г.). В других случаях командиры крейсеров, не желая обременять себя пленниками, просто высаживали турок на побережье, контролируемое противником⁷.

Однако, как бы то ни было, новое Положение о военнопленных от 2 июля 1877 г. было выработано специально созданной для этой цели межведомственной комиссией и принято в предельно короткий срок. Причем, как видно из данных представленной ниже таблицы, срок этот, с некоторой натяжкой, можно считать рекордным для дореволюционной отечественной истории, особенно если учесть, что «Положение» 1877 г., с одной стороны, принципиально отличалось от обоих предыдущих, а с другой — стало фундаментальной основой для выработки обоих последующих.

Нелишним здесь будет учесть и то, что разработку документа изначально осложняла борьба в указанной комиссии двух противоположных концепций. Одной из них придерживались представители Военного министерства, МВД, Минфина и МПС. Опираясь на отечественный опыт XIX в. и руководствуясь

⁵ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 8099. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 8088. Л. 11–13; Д. 8111. Л. 23.

⁷ Там же. Д. 8111. Л. 14–16, 18, 20–22.

принципом «военным не следует поручать того, что в состоянии делать и гражданские», названные лица полагали, что по прибытии пленных в места интернирования они подлежат передаче от военных властей органам внутренних дел, а управление ими должно осуществляться, по сути своей, на основе того же «Положения» 1854 г., лишь приведенного в соответствие с реалиями сегодняшнего дня⁸.

Другую точку зрения представлял МИД. Основывалась она, преимущественно, на новейших концепциях доктрины международного права и опыте недавних вооруженных конфликтов в Европе, в первую очередь — Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Исходя из этого и руководствуясь диаметрально противоположным принципом «гражданским следует поручить лишь то, что военные объективно делать не в состоянии», внешнеполитическое ведомство предлагало возложить управление пленными на весь период их пребывания в России исключительно на Военное министерство, которому МВД должно было лишь содействовать⁹.

В конечном итоге Комитет министров поддержал позицию именно МИД, благодаря чему Россия обрела не просто принципиально новый, но и, вероятно, один из наиболее прогрессивных и совершенных для своего времени базовых документов о военнопленных. Если говорить конкретнее, то в «Положении» 1877 г. отечественный законодатель впервые:

- изъял пленных из подчинения должностным лицам МВД (губернаторам, полицмейстерам, уездным исправникам и пр.) и полностью передал их в распоряжение органов Военного министерства (§ 30);

- установил, что «военнопленные подлежат действию российских военных постановлений и уставов и подсудны военным судам» (§ 59);

- стремясь достичь наиболее полного, достоверного и актуального учета пленников, сократил до минимума число тыловых сборных пунктов военнопленных и назвал их непосредственно в законе: Кишинев и Ростовна-Дону (§ 2);

- признал нецелесообразным заранее определять исчерпывающий перечень регионов, предназначенных для расквартирова-

ния пленных, благодаря чему военное ведомство могло на протяжении всей войны решать данный вопрос самостоятельно и, главное, оперативно, без потери времени на процедуры согласования с МВД;

- практически полностью унифицировал содержание различных категорий пленных османов, отказавшись от их многоплановой дифференциации на христиан и магометан; «природных турецких подданных» и иностранцев, принявших службу Оттоманской империи; перебежчиков и лиц, плененных «с оружием в руках» и пр.;

- максимально приравнял все виды обеспечения военнопленных (включая «транспортное») к обеспечению «соответствующих чинов нашей армии» (§ 11, 17–18, 35–36, 43–44, 46–48, 53, 55 и др.); при этом ряд норм «Положения» (§ 17–18, 20, 36, 39, 48 и др.) содержали прямую отсылку к действующим актам российского военного законодательства (Положение о перевозке войск по железным дорогам, Положение о квартирном довольствии войск, Положение о провиантском, приварочном и фуражном довольствии войск, Положение о ротном хозяйстве, Руководство для движения нештатных команд и др.);

- положил в основу трудового использования пленных (§ 40) принцип, согласно которому «право Правительства (русского. — В.П.) требовать работы от пленного не должно оскорблять в пленном чувство его достоинства, как воина и как подданного; работа, от него требующаяся, не только не должна изнурять его здоровье, она не должна унижать его воинского звания и, главное, не должна иметь прямого отношения к военным действиям, направленным против его отечества или его союзников»¹⁰;

- запретил лицам, «которым вверен надзор за военнопленными», «брать их на собственные работы, хотя бы за плату и по добровольному соглашению» (§ 41);

- исключил привлечение военнопленного к уголовной ответственности за совершенный побег (§ 61);

- сформулировал на уровне базового закона основания и порядок применения по военнопленным оружия (§ 60) и т.д.

В то же время «Положение» вряд ли следует идеализировать, ибо в нем можно обнаружить и небесспорные новеллы, и явные упущения. К числу наиболее серьезных из них мы относим следующие:

⁸ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1229. Л. 21–22; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 38. Д. 152. Л. 8, 12–13, 30–39.

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 38. Д. 152. Л. 46–60.

¹⁰ Там же. Л. 33.

1. В документе отсутствовало прямое указание на круг лиц, признаваемых военнопленными, а значит, имеющих право на получение всех видов обеспечения за счет российской казны. Например, даже то, что пленными являются члены экипажей турецких гражданских судов, а равно жены и дети оттоманских военнослужащих, не пожелавшие расставаться с главами своих семейств, можно понять лишь путем логического толкования содержания § 3, 44, 47–48 «Положения».

2. Тыловые сборные пункты оказались слишком далеко от театров военных действий (особенно Ростов-на-Дону). В результате тысячи военнопленных погибли от ран и болезней или пропали без вести еще до прохождения ими полной регистрации, что в дальнейшем создало немалые сложности в процессе установления судьбы этих людей.

3. Законодатель уделил много внимания вопросам, связанным с особенностями учета и эвакуации пленных, подлежащих уголовной ответственности (§ 7, 26 и 59 «Положения»). Вместе с тем он своевременно не предусмотрел специфику применения к таким лицам соответствующих санкций (достаточно очевидно, что в России никто не был вправе понизить оттоманского офицера в воинском звании или уволить его со службы и т.п.). Пробел этот удалось устранить лишь к сентябрю 1877 г. с принятием Правил о применении военными судами военно-уголовных законов к преступлениям, совершаемым военнопленными¹¹.

4. Требования § 4 и 35 «Положения», освобождающие российских должностных лиц от обязанности изымать у пленных «под квitanцию» принадлежащие тем деньги и ценности, выглядели, по меньшей мере, сомнительными. Правда, столь выдающийся юрист, как профессор Ф.Ф. Мартенс, приветствовал появление данных норм, считая подобное изъятие «оскорбительным» для «честного защитника своего отечества» и уместным лишь «в отношении арестантов или преступников»¹². Между тем, хотя у военнопленного и преступника, действительно, мало что общего, естественное стремление человека к свободе их все-таки объединяет. А это значит, что деньги и ценности выступают для обоих экономиче-

ской основой как потенциального побега, так и подкупа охраны в иных целях.

5. В «Положении» отсутствовали какие-либо упоминания о праве военнопленных на переписку с родиной, что в дальнейшем потребовало дополнительного правового регулирования.

6. Законодатель обошел молчанием вопрос с переводчиками, в т.ч. и в части, касающейся финансирования их услуг. Пробел этот не вылился в серьезную проблему во многом благодаря тому, что лица, владеющие русским и турецким языками, особенно из числа находящихся в России подданных Оттоманской империи, зачастую соглашались исполнять обязанности переводчиков безвозмездно. В качестве примеров здесь можно сослаться на тверского предпринимателя караима Ису Келеша или проживавшего в Пскове грека Савелия Продрамуса (Продромуса). Последнему османские офицеры, покидая после войны Псков, даже оставили письмо с благодарностью за то, что тот «был постоянным посредником и помощником по устройству их дел, как при посещении ими лавок и базара, так и в помещениях, занимаемых ими в городе»¹³.

Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что, в соответствии с требованиями § 31 «Положения», нормы базового акта должны были получить дальнейшее развитие в «подробной» инструкции, разработка которой возлагалась на главный штаб. Правда, в архивах нам не удалось обнаружить ни самой этой инструкции, ни каких-либо данных, указывающих на ее существование. Однако тот непреложный факт, что на протяжении 1877–1878 гг. органами военного и морского ведомств были разработаны, приняты и доведены до исполнителей десятки подзаконных актов, конкретизирующих и детализирующих отдельные нормы «Положения», дает основания полагать, что отсутствие инструкции хотя бы отчасти удалось компенсировать¹⁴.

Обобщая все изложенное, мы приходим к выводу, что «Положение» 1877 г. заняло особое место в истории правового регулирования отечественной системы военного плена. Несмотря на отмеченные недостатки, оно не только позволило, в целом, успешно решать те задачи, которые возлагались на него российским военно-

¹¹ СУиРП. 1877. № 99. Ст. 994.

¹² Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878. СПб.: Тип. МПС, 1879. С. 280.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2058. Л. 104.

¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 8087. Л. 3; Д. 8088. Л. 1; Д. 8111. Л. 1–2, 13; Ф. 283. Оп. 3. Д. 1229. Л. 10–19; Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2346. Л. 10–11.

политическим руководством в ходе войны с Турцией, но и стало основой для выработки аналогичных нормативных правовых актов в периоды Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Литература

1. Белоусов С.В. Правовое регулирование положения военнопленных армий Наполеона в России // История государства и права. 2005. № 7. С. 18–21.
2. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1 (Канцелярия Курского губернатора). Оп. 1. Д. 2346.
3. Кузьминых А.А. Становление советского законодательства в области военного плена // Военно-юридический журнал. 2013. № 10. С. 25–30.
4. Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874–1878. СПб.: Тип. МПС, 1879. 408 с.
5. Познахирев В.В. Основы правового регулирования военного плена в России в конце XVII — начале XX вв.: на примере русско-турецких вооруженных конфликтов // История государства и права. 2012. № 15. С. 34–36.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. IV. № 2977; Т. XXIX. № 28038; Т. LII. № 57530; Собр. 3. Т. XXIV. № 24523.
7. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 243 (Управление главного командира Черноморского флота и портов Черного моря. Николаев (1785–1908)). Оп. 1. Д. 8087, 8088, 8099, 8111; Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства. С.-Петербург (1827–1884)). Оп. 3. Д. 1229.
8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395 (Инспекторский департамент). Оп. 111. 1856 г. 2-е отд. Д. 375. Ф. 400 (Главный штаб Военного министерства). Оп. 3. Д. 2058.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 38. Д. 152.
10. Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства (СУиРП). 1877. № 99. Ст. 994; 1914. № 281. Ст. 2568.

Некняжее судебное право Великого Новгорода XI–XIII вв. (альтернативный взгляд): историография и методология

*Марков Сергей Михайлович,
доцент кафедры философии
Дальневосточного государственного медицинского университета,
кандидат философских наук
Ser_Mark@mail.ru*

Политический строй Великого Новгорода – вечевая республика, в которой наряду с княжеским судопроизводством правосудие осуществляли суды посадника, архиепископа, тысяцкого, сотского и купеческий третейский суд. Особый их статус в современной историографии не рассматривается в связи с укоренившейся в историко-правовом учении марксистской теории государства, а предпочтение отдается киевской модели права и суда.

Ключевые слова: Великий Новгород, история российской государственности и правосудия, княжеский суд, некняжее судебное право, историография.

Non-Princely Judicial Law of Novgorod the Great of XI–XIII Centuries (Alternative Viewpoint): Historiography and Methodology

*Markov Sergey M.,
Assistant Professor of the Philosophy Department
of the Far Eastern State Medical University,
Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor*

Government of Velikiy Novgorod is veche (popular assembly) Novgorod republic, with judgment of prince and, in addition to this, judgment of mayor, archbishop, captain of the thousand, captain of the hundred and merchant's court of arbitration. Their unique status isn't considered in modern historiography because of dominance of Marxian state theory. Instead the Kiev model of law and courts is preferred.

Key words: *Velikiy Novgorod, Russian state and law history, prince law, non-prince judicial law, historiography.*

*А бес посадника ти, княже,
суда не судити, ни волости роздавати,
ни грамотъ ти даяти.*

Текст, заимствованный нами из договорной грамоты 1270 года тверского князя Ярослава Ярославовича, брата Александра Невского, с Новгородом, мы возьмем главной формулой нашего исследования, так как полагаем, что ее исторические корни уводят нас к уставам Ярослава Мудрого и его сыновей, даровавшим волховской столице Правду Русскую: «На семь, княже, целуй крсть къ всему Новугороду, на чемь целоваль дежд твои Ярославъ»¹.

Несмотря на богатейшую историографию по общественно-политической и правовой истории Древней Руси, в первую очередь Киевской (от «Повести временных лет» Нестора до наших дней), новгородское право и сегодня является темным пятном в историко-правовых исследованиях. И на то есть особая причина. Это плюрализм мнений на историю русской государственности (дискурс о норманнской теории), споры о подлинности летописных списков по древнейшей истории Новгородской республики и укоренившаяся в сознании ученых марксистская теория государства. В лучшем случае новгородское право упоминают целиком: от IX в. (иногда VII–VIII вв.) до XV в., или от призвания в Новгород варягов во главе с Рюриком до Ивана III, отказавшегося 14 декабря 1477 года целовать крест на верность Новгороду и в дополнение забравшего с собой в Москву вечевого колокол. Но археологические раскопки не подтверждают на территории Софийской и Торговой сторон поселений IX века. Вместе с тем, даже общий взгляд с вершины XXI столетия подсказывает, что пять столетий истории вполне можно оценивать в качестве отдельной локальной цивилизации, находящейся у истоков современной России, т.е. как древнерусскую цивилизацию с символом пятиглавого собора святой Софии.

Другой логический оксюморон связан с проблемой наименования формы государственного устройства Древней Руси. В историко-юридической литературе так и не утвердилась окончательная формулировка

государственного строя Древней Руси. Приведем самые распространенные: 1) общинно-родовое образование в форме «военной демократии»; 2) сословно-классовое государство с институтом княжеской власти; 3) раннефеодальное монархическое государство. И ни в один из этих институтов волховская республика не вписывается. К тому же современные исторические факты и археологические открытия явно противоречат предложенным выше формулировкам. Например, историки-юристы полагают, что слово «Русь» происходит от древнеславянского местечка «Рось». Мнение же лингвистов однозначное: буква «о» в «у» переделаться даже за столетия не могла. Это только один пример. Мы же полагаем, что княжеское правление подходит для Киевской Руси, но не Новгородской. И утверждение П.П. Толочко о том, что «верховным правителем страны (земли-княжества) был князь, обладающий законодательной и исполнительной властью»², относится к киевским землям, но не к Новгородской республике. Для обозначения новгородской политической системы более подходит термин, предложенный историком В.П. Даркевичем, — «волховская вечевая республика»³, из которого мы будем выводить не княжеское судебное право.

Методологическое обоснование своих взглядов на «зерцало» новгородского судебного права (И.А. Исаев)⁴ мы будем строить на основе принципов трех «К» (Картезий, или Декарт, Кант и Кафка) М.К. Мамардашвили и философа-правоведа И.А. Исаева⁴. Эта парадигма позволила нам рассмотреть новгородское судебное право изнутри, в субъект-субъектном измерении, и через нарративные зеркала проникнуть в интеллигентное его мироустройство.

² Толочко П.П. Власть в Древней Руси X–XIII веков. СПб., 2011. С. 8.

³ Даркевич В.П. Вечевая республика на Волхове // Наука и жизнь. 2000. № 1. С. 68–76.

⁴ Исаев И.А. Метафизика власти и закона. У истоков политико-правового сознания. М., 1998; Он же. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2015.

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Грамота № 14 / под ред. С.Н. Валка. М.–Л., 1949. С. 27.

Мониторинг публикаций, представленных в журнале «История государства и права» за 2010–2016 годы, показывает, что юристы-историки редко обращаются к указанной проблематике. Всего мы насчитали 10 публикаций (Ю.В. Костин. 2010. № 18; И.Г. Шумилов. 2012. № 17; В.Е. Рубаник. 2012. № 20; 2013. № 1–3; Д.В. Доровских. 2014. № 3; Е.И. Осадчук. 2014. № 8), из которых новгородскому праву посвящены 5 статей (В.Е. Рубаник, И.Г. Шумилов). И только один из авторов посвятил свои работы исследованиям древнерусского права и суда (В.Е. Рубаник)⁵. Правда, в своих статьях и двух монографиях он отдает предпочтение киевской модели княжеского правосудия: «Государство, право и суд в Киевской Руси» (М., 2013): исторические очерки и новая доктрина древнерусского права и суда (см.: гл. 8 «Правосудие в Киевской Руси в период Русской правды»)⁶.

Для объективности отметим публикации доктора юридических наук В.А. Томсинова «Юриспруденция Древней Руси (X–XIII вв.)» в журнале «Законодательство» (2003. № 7–10), в которых утверждается вывод об ограниченном влиянии византийского права на новгородское. Мы считаем, что данный тезис критично не выдерживает, хотя бы потому, что еще в 1978 году Л.В. Милов доказал гипотезу о существовании двух переводов византийской Эклоги на болгарский и древнерусский языки⁷. То же самое можно сказать и о Законе Судном людем, или Судебнике Константина. Значит, византийское право вполне можно рассматривать в качестве источника новгородского. Впрочем, докторская диссертация В.А. Томсинова посвящена римскому праву, а не праву волховской республики (Гродно, 1993).

⁵ Рубаник В.Е. Суд в Древней Руси: этапы формирования и некоторые проблемы изучения // История государства и права. 2012. № 20. С. 29–32; О тенденциях и перспективах в изучении истории суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. // История государства и права. 2013. № 1. С. 27–30; История суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейших диссертационных исследованиях // История государства и права. 2013. № 2. С. 37–40; О подходах к периодизации истории суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейшей историографии // История государства и права. 2013. № 3. С. 27–30.

⁶ Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М., 2013.

⁷ Милов Л.В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // *Ius Antiquum*. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 113–119.

Историки-правоведы интересуют в первую очередь киевское право, а новгородское право ими исследуется в целом и в связи с княжеским правом, исследование которого началось с монографии А.Е. Преснякова «Княжое право» (СПб., 1909; М., 1993)⁸. В советской и далее российской историографии тезис «княжое право» в смысле государственного права окончательно стал доминирующим. С тех пор и по сей день под воздействием ленинской методологии в области государства и права не княжее право Древней Руси особым спросом не пользуется среди юристов — теоретиков и историков.

В шеститомном труде о судебной власти в России под редакцией О.Е. Кутафина, В.М. Лебедева, Г.Ю. Семигина, в первом томе, посвященном началам судебной власти, главная роль отводится княжескому суду Ярослава Мудрого и его сыновей (Изяслава и Всеволодовича), а также Владимира Мономаха⁹ в киевских землях. Вскользь рассматриваются Новгородская и Псковская судебные грамоты XV века как основа судебного права волховской республики, оговаривается, что новгородское судебное право отличается от киевского¹⁰. К сожалению, более ранний период судебной власти вообще в коллективной монографии не представлен. Примерно та же самая картина представлена и в других изданиях по истории отечественного государства и права (А.А. Зимин, В.И. Власов, Ю.Г. Алексеев, Р.Л. Хачатуров, М.Б. Свердлов, И.А. Исаев). В результате складывается впечатление, что княжеский суд как бы появился враз, в лучшем случае одновременно с призыванием ваягов. Но чаще всего его рассматривают как институт раннефеодальной монархии во главе с князем. Выражаясь языком логики К. Поппера и Т. Куна, скажем, что не княжее право, в том числе судебное, в общепринятую парадигму не вписывается.

Справедливости ради следует обратить внимание на последние диссертационные работы историков, юристов, философов

⁸ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909; Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

⁹ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: Начало формирования судебной власти: История, документы: В 6-ти т. М., 2003. Т. 1. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 79.

в этой области, поставивших под сомнение исключительность княжеского суда. Это в первую очередь диссертации кандидатов юридических наук: а) А.В. Агафонова — «Происхождение и источники древнерусского права VI–XII вв.» (Казань, 2006); б) П.Г. Барковского (СПб., 2010) — о влиянии скандинавско-германских и византийских источников на формирование древнего русского права; в) Э.В. Салтыкова (СПб., 2010) — его работа посвящена историко-правовым аспектам формирования и развития судебной системы с IX по XVII в. Кандидатские диссертации по отечественной истории: а) Р.В. Новожеева (М., 2005) — об атрибутах княжеской власти Древней Руси IX–XIII веков, правда, без учета атрибутики новгородской власти, что весьма показательно; б) С.Б. Чебаненко — «Княжеский и народный суд в Древней Руси» (СПб., 2010) и др. Отметим докторскую диссертацию по философии В.Н. Цыганаша о феномене судебной власти в России (Ростов-на-Дону, 2011), в которой, правда, в самых общих чертах, раскрываются социальные основания судебной системы, но, к сожалению, совсем не поднимается вопрос о возможностях негосударственного правосудия, в нашем контексте — не княжеского суда. Не разбирая все диссертации пунктуально по содержанию, все-таки отметим интересную позицию С.Б. Чебаненко, выдвинувшего на защиту и широкое обсуждение тезис о праве народного суда Новгородской республики относительно XI–XIII веков, видимо, по аналогии с советским и китайским правосудием. Вряд ли вечевой и кончанский суды, как административные единицы новгородского суда, можно однозначно именовать «народными». В остальных работах по-прежнему происходит отождествление княжеского и вечевого судов и власти.

В свое время В.О. Ключевский назвал этот подход «патологией» теории государства и права. Тем не менее отождествление княжеской власти и судебной имеет место и сегодня. В рамках устоявшейся парадигмы мы как-то не задумываемся посчитать необходимое количество варягов-князей, хотя бы примерное, для всех судов славянских племен. Как известно, в XIII веке князей остро не хватало из-за увеличившегося количества столов-градов на Руси, а в более ранний период тем более. Так, в 1222 го-

ду Юрий Всеволодович Владимирский (не всегда князь поступал на службу в Новгород из Киева — еще один исторический предрассудок) дал новгородцам за неимением других князей своего семилетнего сына «ради быша новгородьци, и бысть мир»¹¹. И новгородцев этот дар вполне устроил, так как еще с древнейших времен утвердилось на вече правило «вольность в князьях».

Так, несмотря на то что Ярослав Мудрый (978–1054) первым из Рюриковичей поселился в самом Новгороде, он все равно княжил с оговорками своего суверенитета. Как сообщает «Повесть временных лет» дружина (варяги) Ярослава «творили насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем»¹². В ответ Ярослав, заманив «лучших новгородцев» в свою вотчину (с. Ракома), избил «воев славных (новгородцев.— Прим. С.М.) тысящи...» (кстати, мы полагаем, что речь идет о внутренних новгородских раздорах между политическими партиями концов, так как избиение «тысячи» Торговой стороны произошло в с. Ракома, а не на поле брани). Тем не менее, в награду за льготы по налогам, в том числе неподсудность княжескому суду, новгородцы оказали помощь Ярославу в войне против Ярополка Окаянного, — сообщают краткая редакция «Русской Правды» и Повесть временных лет.

Давление на волховскую республику усиливается, в том числе символическое, под знаком «одинаковости». Князья осваивают Новгород. В 1036 году Ярослав посадил своего сына Владимира на берега Волхова, который основал Детинец (кремль), но надолго князья в нем не задержались. Наместничество князя, т.е. суверенитет, появилось в истории Новгорода с Александра Невского, и не сразу, а эволюционным путем в течение XIII века, и достигло расцвета в XIV–XV веках. В этот период в официальных документах он стал именоваться «господин Великий Новгород». Именно в это время княжеские печати утвердились окончательно, и главным вопросом политической жизни стал вопрос о власти, главным

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. М.-Л., 1950. С. 60, 262.

¹² Повесть временных лет / пер. Д.С. Лихачева и О.В. Творогова. СПб., 2012. С. 97.

образом на землю (об этом свидетельствуют расшифрованные берестяные грамоты и новгородские акты).

Если древние римляне сделали Юпитера своим покровителем, то новгородцы — Софию, так как на сакральном уровне, — отмечает И.А. Исаев¹³, — те и другие понимали, что объединить всех славянских и иноземных богов и выступить против волхвов надо под «одинаковым» знаменем. Телесным воплощением власти Софии выступил русский закон («Русская Правда» и Закон судный людем). Иноземцам новгородцы стали навязывать Софию и «Русскую Правду». И судили тоже под их священными именами. София и «Русская Правда» у новгородцев выступили в роли Логоса (идеологии), а с приходом Логоса начинается и Суд (И.А. Исаев)¹⁴, т.е. авторитет, ритуал, традиция, универсальность с добавлением априорности закона¹⁵.

Великий Новгород в XI–XIII веках — это вечевая (боярская) республика во главе с князем («Русской Правдой») — держателем главной печати и идеологии, а также избираемым боярским вечем. Социальная основа боярской республики — бояре, дружина, духовенство, купцы разного рода гильдий, житичи и черные люди, земцы или своеземцы, смерды, закупы, холопы, наймиты и рабы (точнее, рабыни женского рода). Экономическая основа — торгово-ремесленный и ростовщический капитал (лишь с XIII века класс землевладельцев-бояр становится доминирующим). Идеология — христианская религия святой Софии, которая выступает в виде монономы саморегулирования через власть и правосудие.

Первоначально, при Всеволоде Мстиславиче, от княжеского суда отделяется купеческий суд, затем суд архиепископа (церковный) и посадника. В результате в Новгороде, наряду с княжеским, судили и не княжеские суды (альтернативное правосудие), занимавшие в купеческом и земском сословиях ведущее место, которые входили в так называемые земские судебные управы или округа («ряды»).

Начиная с XI века в Новгороде образовалась новая форма государственного устрой-

ства: посадник стал избираться вечем и, следовательно, выражать интересы городской общины. Впрочем, даже при назначении от князя его судьба определялась народным собранием и мнением бояр. В рассматриваемый период сложились две власти при одной политической надстройке: посадника и князя, но при верховенстве княжеской булы. На первый план выдвигается политическая борьба между концами города и боярами, а не классовая, как это представлено в учебниках по отечественной истории государства и права. Этот нарратив тоже важен для наших исследований в качестве методологической установки.

Историографический обзор литературы по древнерусскому праву показывает, что историки-правоведы так и не смогли выйти за пределы идеологемы классовой теории государства. Норманнская теория, несмотря на критику, утвердилась в отечественной историко-правовой науке в виде «киевской модели» княжеской власти. К сожалению, даже материалистическую диалектику (методологию) в большинстве случаев (особенно в диссертациях) используют или формально (на всякий случай, за неимением другой), или в трактовке «исторического материализма», где история государства и права представляется как история классовой борьбы двух классов, а не всех общественных классов. Тем более, она совсем не отражается в политических, религиозных, философских и других идеологических учениях. В итоге княжеская власть (и правосудие) предстает в отечественных юридических доктринах безальтернативной и доминирующей.

Литература

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Грамота / под ред. С.Н. Валка. М.-Л.: АН СССР, 1949. 409 с.
2. Даркевич В.П. Вечева республика на Волхове // Наука и жизнь. 2000. № 1. С. 68–76.
3. Исаев И.А. Метафизика власти и закона. У истоков политико-правового сознания. М.: Юрист, 1998. 256 с.
4. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М.: Проспект, 2015. 368 с.
5. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: Начало формирования судебной власти: История, документы: В 6-ти т. М.: Мысль, 2003. Т. 1. 701 с.
6. Милов А.В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) //

¹³ Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2015. С. 66–67.

¹⁴ Там же. С. 71.

¹⁵ Там же. С. 103, 104.

- Ius Antiquum. Древнее право. 1998. № 1 (3). С. 113–119.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. М.-Л.: АН СССР, 1950. 642 с.
 8. Повесть временных лет / пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с.
 9. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909. 331 с.
 10. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 642 с.
 11. Рубаник В.Е. Суд в Древней Руси: этапы формирования и некоторые проблемы изучения // История государства и права. 2012. № 20. С. 29–32.
 12. Рубаник В.Е. О тенденциях и перспективах в изучении истории суда и правосудия в древней Руси IX–XV вв. // История государства и права. 2013. № 1. С. 27–30.
 13. Рубаник В.Е. История суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейших диссертационных исследованиях // История государства и права. 2013. № 2 С. 37–40.
 14. Рубаник В.Е. О подходах к периодизации истории суда и правосудия в Древней Руси IX–XV вв. в новейшей историографии // История государства и права. 2013. № 3. С. 27–30.
 15. Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М.: Юрлитинформ, 2013. 352 с.
 16. Толочко П.П. Власть в Древней Руси X–XIII веков. СПб.: Алетейя, 2011. 200 с.

Становление и развитие уголовной ответственности за дезертирство в России

*Мальков Сергей Михайлович,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
Serqeytmalkov@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности и правовая природа уголовной ответственности за дезертирство в различные периоды развития Российского государства. Исследуются причины и подходы законодателя к формулированию содержания уголовно-правового запрета на дезертирство в уголовном законодательстве России различных периодов, а также проводится их сравнительный анализ.

Ключевые слова: военнослужащие, дезертирство, уклонение, военная служба, уголовно-правовой запрет, периоды развития.

Establishment and Development of Criminal Responsibility for Desertion in Russia

*Malkov Sergey M.,
Head of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Siberian Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

In the article features and legal nature of criminal responsibility are examined for desertion in different periods of development of the Russian state. Reasons and approaches of legislator are investigated to formulation of maintenance criminally of legal prohibition on desertion in the criminal statute of Russia of different periods, and also their comparative analysis is conducted.

Key words: servicemen, desertion, deviation, military service, criminally legal prohibition, periods of development.

История российского законодательства представляет для исследователей значительный интерес, так как позволяет проследить на

базе анализа имеющихся законодательных актов особенности возникновения уголовной ответственности за дезертирство с учетом ве-

ковых традиций и проблем криминального характера. «Для того, чтобы выявить определенные устойчивые характеристики какого-либо процесса, — по мысли А.М. Яковлева, — необходимо, во-первых, наличие достаточного количества отдельных актов, из которых складывается данный процесс, и, во-вторых, он должен быть рассмотрен за достаточно длительный период»¹.

Задача обеспечения военной безопасности от дезертирства давала как в прошлом, так и в настоящее время достаточные основания для принятия государством мер охраны от этих посягательств. Такие меры на разных этапах истории Российского государства имели различный объем и содержание. Они определялись множеством факторов: политической ситуацией в стране, характером законодательства, уровнем и стандартами жизни, состоянием экономики, научно-техническим развитием и др.

Первая попытка законодательного закрепления самостоятельной нормы о дезертирстве была предпринята в Соборном уложении 1649 г., в котором были систематизированы и дифференцированы преступления, посягающие на военную службу².

Учитывая массовые факты уклонения от военной службы³, Соборное уложение устанавливало такие преступления, как неявка на службу под предлогом старости, увечья или болезни, побег со службы в мирное время, побег со службы с поля сражения, побег со службы с переходом к неприятелю. Отметим, что с момента принятия Соборного уложения за данные преступления не устанавливались отдельные наказания, а виновных лиц предписывалось направлять в воинские части. В дальнейшем уголовные наказания все же были закреплены.

Законодательная регламентация этих норм определялась, во-первых, обострением классовых и сословных противоречий, корни которых таились в эволюции социально-политического строя. Эти противоречия в свою очередь усиливали стремление государственной власти подвергнуть правовой регламентации как можно больше сторон и явлений общественной и государственной жизни; во-вторых, большим количеством фактов стихийных и

массовых выступлений, заставляющих законодателя вплотную подойти к решению вопросов внутренней безопасности страны; в-третьих, особым отношением к обороноспособности страны, непременным условием которой выступали нормальные отношения, связанные с прохождением военной службы⁴.

Дальнейшее развитие норма о дезертирстве получила в период становления абсолютизма в XVII–XVIII вв. Так, Артикул воинский 1715 г., в главе XII, устанавливал ответственность за побег со службы. Для реализации этой нормы были изданы десятки отдельных указов Петра I. Жесткой выглядела и система наказаний за это преступление. Так, офицерам, совершившим дезертирство, устанавливалась смертная казнь, рекруты подвергались наказанию шпицрутенами и клеймению. Кроме того, устанавливались штрафы начальникам военнослужащих, совершивших дезертирство, а также награды за поимку последних⁵.

Сходство уголовно-правовых запретов, связанных с дезертирством, Соборного уложения и Артикула воинского не случайно. Во-первых, Артикул воинский был преемником Соборного уложения, законодательный материал в нем размещен в той же последовательности, что и в Соборном уложении⁶. Во-вторых, обострение внешнеполитической ситуации того периода создавало необходимость иметь крепкую и боеспособную армию, а значит, требовало особого порядка прохождения военной службы.

Кроме того, необходимо указать на то, что к дезертирству были отнесены любые факты уклонения от прохождения военной службы.

В то же время хотелось бы обратить внимание и на специфические особенности обусловленности уголовной ответственности периода становления абсолютизма. Во-первых, Артикул воинский, помимо уголовно-правовых норм, содержал большое количество военных правил и положений. Во-вторых, военная реформа, проведенная Петром I, поставила армию на государственное содержание, и порядок пребывания на военной службе находился под особым контролем. В-третьих, существовавшая система наказаний Соборного

¹ Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 7.

² Российское законодательство X–XX вв. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985. С. 97.

³ Михеенко С.В. Особенности субъекта преступления за самовольное оставление части или места службы // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8.

⁴ Мальков С.М. Преступления против военной службы. М., 2015. С. 35–36.

⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 370.

⁶ Там же. С. 366.

уложения была менее суровой и не соответствовала общественной опасности преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы.

Вступление России в эпоху абсолютизма, развитие буржуазных экономических отношений, революционные движения, кризис крепостнического хозяйства, судебная реформа нашли отражение в содержании уголовной ответственности, в том числе и за дезертирство.

Вторая половина XVIII–XIX вв. связана с подготовкой различных нормативных документов, устанавливающих уголовную ответственность. Так, во времена правления Екатерины II, в 1754 и 1766 гг., создавались комиссии для подготовки Уголовного уложения. В проектах уложения содержались и нормы, регулирующие ответственность за дезертирство. Субъектом дезертирства являлся военный служащий независимо от того, состоит ли он на обязательной или добровольной службе. Преступное действие при побеге слагалось из двух моментов: внутреннего, субъективного — намерения покинуть службу и внешнего, объективного — самовольного оставления места служения⁷.

Определялись различные основания для наказуемости офицеров и нижних чинов. Наказания офицеров и гражданских чиновников военного ведомства в мирное время заключались в исключении со службы либо содержании на гауптвахте. Наказание нижних чинов за дезертирство, совершенное впервые, заключалось в направлении виновного в военную тюрьму, за повторный факт — в дисциплинарный батальон, за третий — лишения всех прав и состояния, а также ссылке в Сибирь на поселение.

В военное время назначались те же наказания с предоставлением суду права увеличить их сроки. Обстоятельствами, отягчающими ответственность за дезертирство, признавались: хищение форменной одежды, оружия, лошади, оставление места службы свыше 6 месяцев, переход военному служащего через границу. Повторным преступлением признавалось дезертирство не только после отбытия наказания, но и в процессе отбытия.

Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. устанавливало ответственность за подстрекательство к дезертирству (к побегу с военной службы). Документ диффе-

ренцировал ответственность за дезертирство по различным основаниям: дезертирство в связи с трусостью перед врагом наказывалось ссылкой на поселение или высшими воинскими исправительными наказаниями (ст. 136); дезертирство, связанное с переходом на сторону врага, рассматривалось и наказывалось по аналогии с государственной изменой (ст. 137); повышенное наказание устанавливалось за дезертирство нескольких военнослужащих по предварительному сговору.

После революции 1917 г. основы уголовной политики, в том числе в части охраны воинского правопорядка, закладывались в первых декретах Советской власти и отражали особенности переживаемого в стране периода (классовая борьба, необходимость защиты завоеваний революции и др.).

Декретом о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. были упразднены все существовавшие в царской России судебные учреждения. Новым местным судам (революционным трибуналам), созданным на смену старой судебной системе, были предоставлены широкие возможности разрешения уголовных дел на основе революционного правосознания. Революционные трибуналы, как говорилось в Декрете о суде, были созданы «для борьбы против контрреволюционных сил путем принятия мер ограждения от них сил революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц»⁸. Называя опасные для того времени преступные посягательства, декрет отмечал в их числе и преступления, посягающие на военную безопасность, подчеркивая тем самым значимость уголовно-правовой охраны от них.

Развитие уголовного законодательства советского периода об ответственности за различные виды уклонения от военной службы тесно связано с развитием и совершенствованием Вооруженных сил.

Формирование отношений, регулирующих порядок прохождения военной службы, а также развитие правовой природы воинских преступлений позволили более дифференцированно подойти к ответственности за дезертирство в советский и постсоветский периоды.

Создание Красной армии вызвало принятие специальных законов для борьбы с пре-

⁷ Зателепин О.К. Дезертирство и самовольное оставление части: исторический аспект. М., 2005. С. 34.

⁸ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. М., 1958. С. 78.

ступными посягательствами на боевую мощь и дисциплину, потребовало решительной и суровой борьбы со всем тем, что мешало решению этой задачи, и в первую очередь с дезертирством. В годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны был издан ряд декретов о борьбе с дезертирством.

В декрете от 26 апреля 1918 г. «О сроке службы в Рабоче-крестьянской Красной армии» дезертирство называлось одним из наиболее тяжких преступлений. В постановлениях Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве», от 3 марта 1919 г. «О мерах борьбы с дезертирством», от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» раскрывалась общественная опасность дезертирства как преступления, равносильного предательству, и подчеркивалась необходимость решительной борьбы с ним. Дезертирство признавалось одним из наиболее опасных воинских преступлений и в последующих документах⁹.

Большую роль в развитии законодательства о дезертирстве в период Гражданской войны сыграло Положение о революционных военных трибуналах, утвержденное ВЦИК 20 ноября 1919 г. Согласно данному документу к дезертирству были отнесены переход на сторону неприятеля и добровольная сдача в плен, самовольное оставление поля сражения, злостное дезертирство из частей, штабов, управлений, учреждений.

Следует отметить, что в военно-уголовном законодательстве дезертирство не всегда определялось одинаково. В основе правовой природы дезертирства, согласно УК РСФСР 1922 г., лежал субъективный критерий. Статья 204 УК РСФСР 1922 г. определяла дезертирство как «самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы с целью уклониться от несения военной службы или участия в боевых действиях». Затем законодательное определение дезертирства было значительно расширено, к нему было также отнесено самовольное оставление военнослужащим части или места службы продолжительностью свыше шести суток, хотя бы оно было совершено и без цели вовсе уклониться от военной службы. Наряду с дезертирством, самовольной отлучкой и неявкой в срок на службу без уважительных причин из отпуска, коман-

дировки и т.п., закон предусматривал ответственность за уклонение от несения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения, симуляции болезни или иного обмана (ст. 206 УК РСФСР 1922 г.).

Данные виды преступлений, с некоторыми изменениями и уточнениями, сохранились и в Положении о воинских преступлениях 1924 г. (ст. 5–9).

Существенную роль в развитии уголовно-правовых норм об ответственности за дезертирство сыграло принятие ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 г. нового Положения о воинских преступлениях, содержащего 31 состав преступления. Согласно данному документу дезертирством признавалось самовольное оставление части или места службы продолжительностью свыше шести суток, а во время кампаний на флоте, маневров, учебных, краткосрочных и поверочных сборов — свыше двух суток либо с намерением длительно или вовсе уклониться от военной службы. Под самовольной отлучкой понималось систематическое оставление части или места службы на срок менее шести (двух) суток¹⁰.

Реализуя нормы Положения о воинских преступлениях, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в главе X («Преступления воинские»), вступившей в силу 9 января 1928 г., установил четыре самостоятельные нормы об ответственности за дезертирство, а также условия для признания совершенного факта дезертирством. Так, к дезертирству были отнесены самовольная отлучка военнослужащих свыше суток (п. «г» ст. 193.7), самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке (ст. 193.9), уклонение от военной службы путем причинения себе повреждения или симуляции болезни, подлога документов или иного обмана (ст. 193.12). Кроме того, впервые была установлена ответственность за уклонение от военной службы под предлогом религиозных убеждений (ст. 193.13)¹¹.

Закон значительно расширил содержание субъектов преступления и отнес к ним не только военнослужащих и военнообязанных запаса Рабоче-крестьянской Красной армии, но и граждан, состоящих в особях, образу-

⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 216.

¹⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 229–230.

¹¹ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1940. С. 96–99.

емых в военное время, командах для обслуживания тыла и фронта, и лиц строевого состава особых вооруженных отрядов Народного комиссариата путей сообщения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 г. была значительно ужесточена система наказаний за самовольную отлучку и дезертирство.

В период Великой Отечественной войны общественная опасность дезертирства существенно возросла, поэтому уголовной ответственности придавалось особое значение. В содержательном аспекте уголовная ответственность за дезертирство не претерпела изменений, однако основная ее роль определялась стратегическими целями Советского государства. Нельзя недооценивать значение нормы о дезертирстве на фронтах, бесспорно, она внесла большой вклад в предупреждение преступлений, которые могли сказаться на боеготовности армии¹².

К моменту издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в “Положение о воинских преступлениях”» в уголовном законодательстве существовали разные определения дезертирства в отношении военнослужащих срочной службы, с одной стороны, и в отношении лиц офицерского состава и военнослужащих сверхсрочной службы — с другой. Для военнослужащих срочной службы дезертирством признавалась самовольная отлучка продолжительностью свыше суток; под дезертирством же лиц офицерского состава и военнослужащих сверхсрочной службы понималось самовольное оставление части или места службы продолжительностью свыше шести суток, а во время кампаний на флоте, маневров, учебных, краткосрочных, повторительных и поверочных сборов — свыше двух суток, а также побег из части или с места службы с намерением длительно или вовсе уклониться от несения обязанностей по военной службе¹³. Указанным документом было установлено единое понятие дезертирства для всех категорий военнослужащих: оставление воинской части или места службы с целью уклониться от военной службы, а равно неявка с той же целью в часть или к месту службы.

Кроме того, существенно изменились условия уголовной ответственности военнослужащих срочной службы за самовольную отлучку, были определены понятие и признаки самовольного оставления части как самостоятельного вида преступления.

В дальнейшем нормы указа были закреплены в ст. 9–11 Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления» и Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. (ст. 245–247). Законодательство о других видах посягательств на порядок несения военной службы существенно не менялось.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. была установлена уголовная ответственность лиц офицерского состава, прапорщиков и мичманов, а также военнослужащих сверхсрочной службы за самовольное оставление воинской части или места службы продолжительностью не только свыше десяти суток, но и менее десяти, но свыше трех суток, совершенное повторно. Кроме того, указ установил дифференцированную ответственность для всех категорий военнослужащих за самовольное оставление части или места службы продолжительностью до одного месяца и свыше одного месяца.

Гарантии государственной безопасности predeterminedели в качестве приоритетного направления организационно-правовое усиление борьбы с преступностью. Указанное обстоятельство можно отнести к концептуальным задачам борьбы с преступностью¹⁴. С учетом этого ст. 338 УК РФ, по сравнению со ст. 247 УК РСФСР 1960 г., претерпела изменения в части содержания уголовной ответственности за названные преступления.

Во-первых, УК РФ в отличие от УК РСФСР 1960 г. не дифференцирует ответственность в зависимости от субъекта преступления. Лица рядового и офицерского составов одновременно рассматриваются в качестве субъекта.

Во-вторых, иначе стал выглядеть перечень квалифицирующих признаков, который, по сравнению с УК РСФСР 1960 г., устанавливает ответственность за дезертирство с оружием и совершенное в соучастии (группа лиц по предварительному сговору или организованная группа).

В-третьих, уголовно-правовая норма отнесена к поощрительной и предусматрива-

¹² Мальков С.М. Уголовная ответственность за дезертирство. Красноярск, 2010. С. 23.

¹³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. С. 229–230.

¹⁴ Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг. // Российская газета. 1996. 24 июля.

ет возможность освобождения от уголовной ответственности военнослужащего, который впервые совершил дезертирство, явившееся следствием стечения тяжелых обстоятельств (примечание к ст. 338 УК РФ).

Существование в УК РФ нормы о дезертирстве обусловило появление судебного толкования о применении уголовного законодательства по делам об уклонении от прохождения военной службы. В соответствии с этим в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»¹⁵ акцентировано внимание на особенностях установления субъекта преступления, момента окончания, решении спорных вопросов квалификации дезертирства и отграничения его от других составов.

Указанное свидетельствует о попытках законодателя следовать концептуальным положениям реформы уголовного законодательства. Вместе с тем современное правотворче-

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6. С. 2–8.

ство и правоприменительная практика ставят немало вопросов, требующих решения с целью определения научного подхода.

Литература

1. Зателепин, О.К. Дезертирство и самовольное оставление части: исторический аспект. М., 2005.
2. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. М., 1958. С. 78.
3. Мальков, С.М. Уголовная ответственность за дезертирство. Красноярск, 2010.
4. Мальков, С.М. Преступления против военной службы. М., 2015.
5. Михеенко, С.В. Особенности субъекта преступления за самовольное оставление части или места службы // Право в Вооруженных Силах. 2007. № 8.
6. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.
7. Российское законодательство X–XX вв. Т. 3: Акты Земских соборов. М., 1985.
8. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953.
10. Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996–1997 гг. // Российская газета. 1996. 24 июля.

Рецензия на статью С.В. Шпаковской и С.А. Тимошиной «США в кривом зеркале советской газетной печати 30–50-х гг. XX века» (История государства и права. 2014. № 16)

*Феклистов Александр Геннадьевич,
кандидат исторических наук
agfeklistov@mail.ru*

Изучив рецензируемую статью, исследователь обращает внимание на случайное или намеренное искажение ее авторами хронологии публикации источников информации, логические противоречия в суждениях авторов и общую предвзятость их выводов.

Ключевые слова: научная публикация, пропаганда, противоречие, логическая ошибка.

Review of the Article by S.V. Shpakovskaya and S.A. Timoshina “USA (United States of America) in the False Mirror of the Soviet Newspaper Press of 30 – 50s of XX Century” (History of State and Law. 2014. No. 16)

*Feklistov Aleksandr G.,
Candidate of Historical Sciences*

Examining peer-reviewed article, the researcher draws attention to the accidental or intentional distortion of the chronology of the published sources of information by its authors, logical contradictions in the opinions of the authors and the bias their conclusions.

Key words: scientific publication, propaganda, contradiction, logical error.

В журнале «История государства и права» (2014. № 16. С. 49–51) опубликована статья к.и.н. С.В. Шпаковской и к.и.н. С.А. Тимошиной «США в кривом зеркале советской газетной печати 30–50-х годов XX века». Научная публикация такого уровня по общему правилу должна излагать выверенные факты, содержать непротиворечивые суждения, формулировать непредвзятые выводы. В противном случае она превращается в пропагандистскую публицистику, где недобросовестно подобранные факты и предвзятые суждения приводят к заведомо ошибочным выводам. Особенно заметно это выглядит, если в статье речь идет о политической пропаганде.

Авторы статьи утверждают, что «именно ложь являлась основой практически всего политического информирования советских граждан на протяжении всей истории тоталитарного советского режима в СССР... Причем информационная политика проводилась очень грубо, примитивно, с откровенными “ляпами” в подаче материалов»¹. Вместе с тем, приводя примеры подобной лжи в информировании советских граждан, авторы случайно или намеренно, мягко говоря, искажают картину исторической действительности. Для того чтобы заметить это, достаточно обратить внимание на подбор цитат в тексте. Так, авторы неосознанно или умышленно искажают хронологию публикации: «В 1930 г. наши газеты сообщали, что “докризисное положение американских рабочих потеряно навсегда, движение может идти только путем колоссальных ухудшений” <1>. Но тут же шли материалы о том, что американские фермеры используют дисковый плуг-борону, который “сильно повышает производительность труда” <2>, выращивают “сладкие лимоны” <3>, а обыватели могут купить “дешевый и удобный аппарат для съемки кинофильм[ов]... и демонстрации их в домашней обстановке” <4>»². Может возникнуть впечатление, что речь идет о публикациях, следующих одна за другой («тут же», по выражению авторов). Однако

цитата под номером <1> относится к маю 1930 г., а цитаты под номерами <2>, <3> и <4> — к февралю — марту того же года и, вполне возможно, описывают достижения американской науки и техники до Великой депрессии, начавшейся, как известно, в конце октября 1929 г.

Еще одной, на этот раз логической, ошибкой авторов является стремление при противопоставлении данных брать за основу несопоставимые факты. Так, для изобличения противоречивости советской пропаганды они приводят публикации конца 1930-х гг. об избиениях и провокациях против членов профсоюза на заводах Форда и сообщение об открытии завода, оснащенного по последнему слову техники системами кондиционирования, освещения и шумопоглощения. Нетрудно заметить, что эти факты никак не связаны между собой и не противоречат друг другу.

В другом месте статьи, приводя данные о 10-кратном разрыве в уровне заработной платы в США и СССР в 1925 г., авторы сравнивают зарплаты американского фабричного рабочего и советских курьера и лесника. При этом ни словом не упоминается об уровне цен и степени доступности социальных благ в США и в СССР того времени, при сопоставлении которых логично было бы судить об уровне жизни.

Авторы статьи удивляются, что описанные ими «противоречия» в публикациях советской печати о США «в то время почему-то никто не замечал». Между тем, при внимательном и непредвзятом изучении приведенных в статье фактов можно сделать вывод, что противоречий в них почти нет. Было бы обидно, если бы указанная статья ввела в заблуждение нынешних читателей журнала. Самим же авторам можно пожелать внимательнее изучать исторические источники и стремиться избегать превращения исторического исследования в тенденциозный подбор фактов и цитат к заранее сделанным выводам.

Литература

1. Шпаковская С.В., Тимошина С.А. США в кривом зеркале советской газетной печати 30–50-х годов XX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 49–51.

¹ Шпаковская С.В., Тимошина С.А. США в кривом зеркале советской газетной печати 30–50-х годов XX века // История государства и права. 2014. № 16. С. 49–51.

² Там же.